

ГЛАВА 1

Здравствуй, Кари.

Я плохо умею извиняться, но думаю правильно будет начать именно с извинений.

Прости меня. Я полный осел.

Чем больше я думаю о том, как у нас с тобой все случилось, тем больше понимаю, как был неправ.

Нет, даже не так. Не неправ. Я был полным и абсолютным идиотом. Эгоистичным и слепым во всем, что касалось тебя.

На последней букве Чарли с такой силой надавил на шило, что оно вонзилось в планшетку. Он скрипнул зубами. Хотелось застонать от злости на себя, ощущения собственной никчемности.

Снова и снова, уже в тысячный раз за прошедшие дни в памяти замелькали картины их первой с Кари встречи.

Когда в ответ на услугу вожак чужого клана потребовал, чтобы Чарли женился на его слепой дочери, оборотень почувствовал себя загнанным в ловушку. Тогда все казалось простым и понятным — клан Маккуин решил спихнуть невесту “с брачком”, пользуясь тем, что у Чарли нет выхода. В доброжелательности, с которой будущие родственники приняли его, чудился подвох, как будто весь клан радовался, что удалось повесить заботу об инвалиде на чужака. Дров в костер подкидывали многословные рассуждения будущей тещи о том, какая Кари беспомощная и как хорошо, что наконец-то нашелся порядочный волк, который будет заботиться о несчастной слепой девочке.

Если бы Чарли вовремя включил мозг! Если бы не был так поглощен своими обидами...

Тогда он смог бы заметить, с каким теплом и уважением говорили о Кари ее родственники. Мог бы обратить внимание, что “беспомощная девочка” не сидит целый день дома, полностью полагаясь на заботу родственников, а живет в столице и ходит в ту же академию, что и он.

Но он, ослепленный собственной глупостью, злой на то, что его силой принудили к браку с увечной незнакомкой, не заметил ничего.

Потом был тот разговор в кафе, когда он легко швырял пренебрежительные и оскорбительные слова в адрес своей невесты и ее родни, не подозревая, что девушка сидит рядом и все слышит. И скандал, когда она категорически отказалась за него замуж, а он — дубина, придурок — вместо того, чтобы убедить, уговорить, покаяться и признать свою неправоту, просто развернулся и уехал.

И кто из них двоих был слепым?

Прозрение пришло позже, когда он встретил Кари Маккуин в академии. Когда впервые увидел ее по-настоящему — сильную и гордую волчицу.

Когда осознал, что она его пара.

Я виноват перед тобой. В том, что сначала оскорбил, а потом преследовал, принудил к помолвке.

Еще я виноват в том, что поцеловал тебя, но за это я не стану извиняться.

Он закрыл глаза, вспоминая пьянящий вкус ее губ. Сладкий запах волос, короткую боль, когда она укусила его и безумное возбуждение, когда Чарли понял, что девушка отвечает ему. Что на нее — такую холодную, непреклонную — тоже действует магия взаимного притяжения пары.

Но его невеста не живет инстинктами. “Я не люблю тебя, Чарльз, — сказала она. — Но что гораздо хуже, я не уважаю тебя, и не доверяю. Да, к тебе тянет, но я ощущаю это, как принуждение”.

В тот момент Чарли понял, что все. Если сейчас она уйдет, если он позволит ей уйти, то потеряет ее навсегда. И без торгов согласился на жестокое условие, которое поставила Кари.

Год в разлуке.

Не видеть ее год, не слышать ее запах, жить только воспоминаниями.

Больно. Очень больно и тяжело. Но в тот миг он бы согласился на что угодно.

Расчет волчицы был понятен. Она не верит в его любовь. Считает, что это всего лишь влечение, страсть, голос инстинкта. Надеется, что за год он ее забудет.

Хорошо, что Кари хотя бы разрешила писать ей.

***

Милая моя Кари.

Я написал только первые три слова и уже представил, как ты прочтешь их, нахмуришься и скажешь, что ты не “милая” и уж тем более не “моя”.

Но ты не прочтешь, теперь я знаю это точно.

Да, сегодня сделал глупость, которую поклялся никогда не делать. Проходил мимо центрального почтового и не удержался. Заглянул, чтобы спросить.

Все мои письма по-прежнему лежат там. Невостребованные и ненужные.

Я боялся, что так будет, поэтому не оставил обратного адреса — слишком горько было бы получить их назад. Пройдет срок хранения, и почтовые служащие просто швырнут конверты в огонь. Может, какой-нибудь любопытный клерк даже распакует одно из них и удивится, не найдя внутри ничего, кроме сотен пустых исколотых иглой листов.

Вряд ли случайный клерк знает азбуку слепых.

Я помню, что ты говорила мне не ждать слишком многого от нашей следующей встречи. Не вспоминать о тебе, ни на что не надеяться, встречаться с другими девчонками.

Но я не хочу. Не хочу и не могу не думать о тебе, почти-не-моя милая Кари. Ты что-то изменила во мне, и это навсегда.

— Привет, — улыбка на лице хорошенькой тигрицы-оборотня обещала многое, очень многое. И проходя она словно бы случайно задела заделала Чарли грудь. Уже не в первый раз.

— Привет, — ответил он доброжелательно, но равнодушно.

— Может, сходим куда-нибудь? — промурлыкала девица. — Мы с друзьями собираемся в боулинг, не хочешь с нами.

Томный взгляд из-под ресниц, пухлые губы, грудь четвертого размера. Руку протяни и этот плод сам падет к твоим ногам. Еще три месяца назад Чарли был бы счастлив. В начале года он сам подкатывал к блудливой кошке, но тогда она была увлечена его другом.

И можно согласится. Покувыркаться пару недель с тигрицей, Кари все равно ничего не узнает. А даже и узнает, разве не она сама советовала ему не заикливаться на их почти несуществующих отношениях?

“Для тебя же будет лучше, если ты не станешь слишком много думать обо мне. Знакомься с другими девушками, общайся с друзьями, живи полной жизнью” — сказала волчица ему на прощание.

— Прости, — он напрягся и выудил из памяти имя, — Джулия. Но сегодня мне надо учиться.

— Тогда завтра? Сходим в кино?

В кино... Смешно, он ведь тоже тогда позвал Кари в кино. Совсем забыл, что она не видит.

— Прости, — повторил Чарли. — У меня есть невеста.

Невеста. Да, так я и говорю, не уточняя, что сделал тебя своей невестой насильно. И уж тем более не вспоминая, что для тебя эта помолвка по обычаям волков ничего не значит.

Наверное, ты проклянешь меня, но я не жалею. Хочу целовать тебя снова и снова. Каждый пальчик, каждый ноготок. Хочу видеть твою улыбку и знать, что ты улыбаешься для меня.

Хочу быть частью твоей жизни.

Перечитал и стало как-то стыдно. Сентиментальная чушь. Я бы смял и выкинул этот листок, но ты все равно не прочтешь, значит, можно не бояться быть нелепым.

***

— Что читаешь, Маккуин? — Раум ди Форкалонен перегнулся через ее плечо и неодобрительно хмыкнул, обнаружив в руках волчицы белый лист, испещренный еле заметными проколами.

Кари усмехнулась. А чего он ожидал?

— Письмо, — коротко ответила она.

Но когда босс настроен поболтать от него так просто не отделаешься.

— Вижу, что письмо. От кого?

Можно соврать, но Кари не сомневалась, что вся переписка сотрудников лаборатории “Ди Форкалонен мэджик девелопер” перлюстрируется. Если Рауму станет интересно, он все равно узнает, что было в письме. Даже дословно.

Проще сейчас утолить его любопытство.

— От жениха, — буркнула она, надеясь, что демон отвяжется. Но тот понимающе присвистнул.

— А-а-а... Малыш Маккензи. Я думал, ты его отшила.

— Почти. Мы договорились встретиться через год. Я обещала принюхаться к нему снова.

— Чистая благотворительность с твоей стороны, Маккуин. Ничего нового ты там не вынюхаешь.

Эти слова и особенно тон, каким они были сказаны, покоробили. Как будто Раум высмеивал кого-то из ее близких, а не надоедливую мальчишку, который почти насильно заставил Кари заключить помолвку.

— Посмотрим.

— Значит, вы обмениваетесь любовными весточками, голубочки?

Кари раздраженно выдохнула сквозь зубы и напомнила себе, что Раум — это Раум. Насмешки и пренебрежительный тон — способ спровоцировать собеседника. Сейчас демон специально злит ее, надеясь, что в запальчивости Кари скажет больше, чем собиралась. При чем делает это просто так, из любви к искусству.

Мальчишка, даром что старше Кари на восемь лет.

— Не обмениваемся. На прощание Чарльз обещал писать мне каждый день. Сначала я не верила, что он станет этим заниматься. Но три недели назад, когда я была в столице и зашла на почту, оказалось, что меня ждет целый ящик писем.

— И ты их забрала?

— Да. И дала адрес для пересылки новых, — она непроизвольно погладила край листа. — Знаешь, Чарльз специально выучил азбуку слепых, чтобы я могла прочесть. И он действительно пишет каждый день.

Раум присвистнул.

— Мило. А что пишет? Ноет, как ему одиноко?

— Нет, — Кари нахмурилась. Пренебрежение в голосе демона снова неприятно царапнуло. — В основном рассказывает о своей жизни. Делится мыслями, планами.

— Скукота, — демон зевнул. — Отвечать будешь?

— Нет.

Ответить, вступить в диалог означало дать Чарльзу обещание, а Кари не хотела обязательств. Но ей нравилось читать эти послания. Особенно те, что оборотень написал после своего визита на почту. В них было что-то глубоко интимное, робкое и оттого безмерно притягательное.

Как будто подслушиваешь чужую жизнь. Узнаешь самое дорогое, самое тайное, болезненное и святое.

В письмах Чарльз не был похож на самовлюбленного и настырного парня из ее воспоминаний.

Он казался...

Беззащитным. Влюбленным. Искренним.

Настолько искренним и открытым, что это почти пугало и одновременно завораживало.

Он не надоедал комплиментами. Просто рассуждал — о жизни, знакомых, учебе. С иронией, порой переходящий в беспощадный сарказм, анализировал свои прошлые промахи, строил планы.

Вспоминал о ней.

Читать письма было немного стыдно, но отказаться от них волчица уже не могла.

— Правильно, — хмыкнул Раум. — Если молчать, он скорее отстанет.

Девушка нахмурилась. Неужели Раум прав? И если она продолжит молчать, однажды эти письма просто перестанут приходить?

Может, оно и к лучшему?

Нет, я не перестану тебе писать. Каждый день, как обещал.

Потому что так я могу прикоснуться к тебе, хотя бы мысленно, моя синеглазая волчица.

Ну вот: я снова написал "моя". И даже хорошо, что ты этого не прочтешь и не узнаешь.

Мне пришло время решать, что я хочу делать со своей жизнью. Со следующего семестра клан прекращает оплату моего обучения, ведь я уже не вождь. Отец предложил вернуться в Синие горы или перевестись на магтехнолога — Маккензи все еще нужен свой наладчик чар.

Раньше я бы согласился. Нас всех учили, что семья, клан превыше всего, что жить и умирать надо там, где родился. Но я вспоминаю тебя и понимаю, что это не так. Нет единственного пути, в мире открыты сотни дорог. Нужно только понять, какая из них моя.

ГЛАВА 2

— Вы уверены, что действительно этого хотите, адепт Маккензи?

— Абсолютно, — заверил его Чарли.

Куратор вздохнул.

— Молодой человек, боевая магия — это не игрушки.

— Я знаю. Я уже год посещаю факультатив...

— Нет, не знаете. Наш курс дает лишь самые общие представления об этом предмете. Вы понятия не имеете с каким уровнем нагрузки столкнетесь в военной академии.

— Я справлюсь.

— Не справитесь. Вы гражданский и, не обижайтесь, но вы безответственны и расхлябаны. В Норд-Джеке от курсантов требуют железной дисциплины. Подумайте еще раз, Маккензи. Вы, несомненно, неглупы, я бы даже сказал талантливы. Ваши успехи в учебе в последние месяцы меня приятно удивили. Но армейская машина вас пережует и выплюнет.

Молодой волк странно усмехнулся.

— Думаю, военная дисциплина — это именно то, что мне необходимо, профессор.

Я решил перевестись в Норд-Джек. Почему именно туда, а не в Вестфилд или любой другой гражданский колледж? Все просто — мне не хватит баллов на стипендию. Кроме того, я вдруг понял, что не хочу всю жизнь обслуживать какие-нибудь силовые поля, или калибровать амулеты. Мне это просто неинтересно.

В отличие от боевой магии.

К счастью, мой резерв позволяет работать с чарами такого уровня.

Конечно, потом придется пять лет отслужить в войсках, но я считаю, что это плюс. И я не наивный романтик, я прекрасно знаю, что в мирное время служба в армии — тоска смертная. Построения, учения, отработка маневров, та же самая отладка стационарных чар и калибровка амулетов, что и на гражданке. Знаю, что платят мало, а повышение дается за выслугу лет.

Но я и не собираюсь служить в гарнизоне.

Матери я этого пока не писал, потому что знал — она будет переживать и плакать. Но тебе скажу. Я собираюсь освоить все спецкурсы, связанные с монстрхантингом, и перед окончанием академии попрошу зачислить меня на базу Исхэлл.

Исхэлл?!

Кари вздрогнула и выронила листок. Он плавно спланировал под ноги, пришлось нагнуться и шарить по полу.

Исхэлл — большие северные Врата. Самый крупный и стабильный из порталов, ведущих в Бездну, откуда на землю уже сотни лет приходят хтонические чудовища.

Главный энергетический центр страны. Основа имперской мощи и процветания: маготехническая революция стала возможна именно благодаря чарам, позволяющим заключать души тварей в кристаллы. Промышленность, транспорт — все работает на энергии душ.

Но монстры, приходящие из Бездны, отнюдь не жаждут трудиться на благо общества. Чтобы поймать улетающую душу в ловушку, надо сначала убить тело. Тело вооруженное когтями, жвалами, щупальцами. Плюющееся огнем или кислотой.

Империя щедро платила добытчикам. Хороший охотник за несколько лет в ловчем отряде мог обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Биллборды и газеты пестрели призывами, расписывали преимущества быта душеловов. Уважение, восхищение девушек, быстрые деньги...

Вот только смертность среди монстрхантеров в первый год доходила до восьмидесяти процентов. Желающих отправляться на почти гарантированную гибель не хватало, и государство, чтобы закрыть кадровую дыру, вынуждено было формировать охотничьи отряды из осужденных каторжников.

— Глупый мальчишка, — пробормотала Кари, шаря по полу. Где же это проклятое письмо? — Ты там и двух месяцев не протянешь!

Предупредить его мать — пусть отговорит сына?

Нет, это будет подло. Кари сама не простила бы подобного вмешательства в свою жизнь.

Написать ему?

Девушка вскочила и потянулась было к стопке бумаги с краю стола. Вставила в планшетку, взяла шило. И задумалась.

Решение так круто изменить свою жизнь не могло быть простым. За скупыми словами письма угадывались недели напряженных раздумий. И ей, слепой с рождения девочке, были близки и понятны амбиции молодого волка. Желание доказать себе и миру чего ты стоишь на самом деле. Не идти проторенной дорожкой, а самому выбрать свой путь.

У Кари получилось. Ну, почти получилось. Прототип магофона уже готов, но отладка и запуск серийного производства займут не меньше полугода.

Технология, которая сделает ее известной на весь мир и сказочно богатой. Пройдет отсылы несколько лет, и магофоны станут такой же обыденной вещью, как сейчас постографы.

Мечта, воплотившаяся в реальность.

Имеет ли Кари право вмешиваться в жизнь Чарльза и лишать его мечты?

Все равно Маккензи пока только на третьем курсе. До назначения в Исахэлл все тысячи раз успеет измениться. Если он вообще сможет выдержать нагрузки. При знакомстве Чарльз не показался ей способным свернуть горы ради своей цели.

Она вздохнула, снова присела и зашарила по полу. Письмо хорошо бы все-таки дочитать. А все что она думает по поводу этой авантюры Кари выскажет ему лично, через девять месяцев.

***

В моей роте заправляет сержант Рассел, и этот парень настоящий кусок дерьма. Мы все его дружно ненавидим, но дрочит он на совесть, надо признать.

По вечерам, после общей боевой подготовки, я чувствую себя ожившим покойником. Да и ползаю примерно так же.

Боевая — это весело. Двенадцать часов на полосе препятствий, которая больше похожа на дорогу в ад. Нужно не только бежать, прыгать, ползти и подтягиваться, но еще и уклоняться от атакующих заклинаний, ставить щиты, бить в ответ. Каждые три дня трасса меняется, так что не заскучаешь.

Совсем скоро к боевой добавят строевую, и тогда нам станет еще веселее.

Мясо на завтрак, обед и ужин в сочетании с тренировками дает интересный результат. Я набрал почти десять фунтов мышечной массы и уже не влезаю в рубашки, которые носил на гражданке. Теперь понимаю почему все военные такие качки, хотя ничего похожего на привычный зал с железом я здесь не видел.

У меня пока третьи результаты в сводной таблице, но я планирую занять первую строчку. Вот увидишь: Норд-Джек еще содрогнется от ужаса, осознав мою мощь.

— Вам письмо, госпожа Маккуин, — слова, которые наполняют душу непонятым предвкушением.

Ежедневный утренний ритуал — чашка черного кофе и послание от Чарльза.

Каждый день. Даже в выходные и праздники. Даже когда он в дороге или смертельно устал после тяжелейшего марш-броска.

Письмо и кофе по утрам. В мире все стабильно.

В последнее время послания стали короче. Учеба в Норд-Джеке оказалась тяжелее, чем Чарльз ожидал, сквозь напускную браваду его строк прорывается усталость.

Но он пишет. Держит данное слово, день за днем отправляет письмо за письмом. Уверенный, что его никто никогда не прочтет. Пишет обращаясь то ли к ней, то ли к самому себе.

Иногда в его строках сквозит неверие, отчаяние, готовность сдаться. Как легко было бы развеять их, просто ответив. И Кари тянется к планшетке, но откладывает ее.

Написать ему — сжечь все мосты. Вступить в разговор, начать узнавать друг друга в диалоге. Открыться перед Чарльзом так же, как он открылся перед ней в своих письмах — весь, как на ладони, без мишуры сверкающих масок, без красивых поз и фраз...

Это страшно. Она не готова. Она не любит, не умеет, не знает каково это — быть настолько близкой с кем-то.

И боится разочаровать его. Та Кари, которую Чарльз выдумал для себя, ради которой он готовится побеждать драконов и левиафанов гораздо лучше настоящей. Сильнее, смелее, мудрее. Она идеальная.

А настоящая Кари — нет. Поэтому она прихлебывает обжигающий горький как сама жизнь кофе, гладит пальцами еле заметные бугорки на плотной бумаге. И будто воочию слышит

хрипловатый мужской голос. Столько слов о незначительном, суетном, но почему-то кажется, что каждое слово — о ней.

Только о ней.

Знала бы ты, как я жду встречи с тобой.

Над моей кроватью теперь висит календарь. Каждый день я зачеркиваю одну цифру и пересчитываю сколько еще их осталось — мой маленький утренний ритуал.

Порой я сам себе напоминаю узника в тюремной камере. Тридцать косых линий. Тридцать дней. И я еще на месяц ближе к тебе.

Нет, только не думай, что я вздыхаю и страдаю целый день.

Совсем наоборот. Никогда раньше я не был так счастлив. Мысли о тебе наполняют мою жизнь смыслом. Они дают мне желание расти и меняться.

Когда в жизни есть цель, все становится другим. Еще до перевода в Норд-Джеск я вышел на отличные оценки, бросил шляться по клубам и пабам. И еще боевые искусства. Два года обещал себе записаться на рукопашный бой и два года откладывал. Всегда находились причины не делать: нет сил, времени, денег, чтобы платить за уроки.

Когда ты появилась в моей жизни, все нашлось.

Я стал серьезнее, отделил важное от неважного, не трачу больше времени на ерунду. Не всем это нравится. Еще до отъезда на север я потерял половину друзей. По их словам, я стал занудой, с которым не о чем говорить.

Но мне все равно.

Я иду к своей цели, Кари. К нашей следующей встрече я стану волком, который тебя достоин.

ГЛАВА 3

— Щит!

Чарли вскинул руки, раскрывая над головой полотно плетения. Также, как и два десятка других курсантов. Края заклинаний со звоном состыковались, воздух перед ротой потек словно жидкое стекло, застыл в золотистом флере, поделенный на правильные шестиугольники, похожие на соты.

Тренажер захрипел, плюнул, и огненный сгусток раскрылся оранжевым куполом над головой, обозначая границы выстроенного курсантами щита. С краев дохнуло раскаленным воздухом, запах гари осел на губах терпкой горечью.

— Не рыпаться! Дер-р-ржим строй!

Вторая атака была воздушной. Удар гигантского невидимого кулака заставил Чарли покачнуться. Сосед со стоном рухнул на оплавленный камень полигона, и оборотень выругался, подхватывая управляющие нити чужого плетения.

— Держим, держим строй, мать вашу! С-с-салаги!

— Вставай, — прошипел Чарли сквозь зубы. — Вставай, скотина! Сейчас третья будет. Я не удержу один.

Он бы сопроводил слова пинком для большей убедительности, но отвлекаться было нельзя. Все силы уходило на то, чтобы подпитывать сразу два сегмента защиты.

Сосед молчал. То ли действительно слишком выложился и потерял сознание, то ли притворялся — Дэн любил откосить, сваливая работу на других. Впереди снова загрохотало. Чарли расставил ноги пошире и набычился.левой рукой он перехватил нити чужого щита, правой удерживая свое плетение.

Снова воздушный таран. От удара оборотня мотнуло. Он покачнулся, но устоял, только из носа закапало на воротник форменной рубашки.

Снова в лазарет. Медичка будет ругаться.

Но щит выдержал. Он по-прежнему полыхал, закрывая роту от вражеских заклинаний. Ни один из золотистых сегментов-сот не потух.

— Атака! Штопором с колена! — заорал сержант, и строй синхронно рухнул на плац. Над головами запульсировала воронка, вбирая энергию каждого солдата. Воздух запахом безжизненным севером, обжег кожу холодом, заморозил кончики пальцев.

— Три! Два! Один! Пли!

Ледяной ураган, скрученный в тугой штопор, молнией пронесся через полигон и ввинтился в мишень. Та мгновенно превратилась в сверкающий на солнце полупрозрачный кристалл, похожий на огромный драгоценный камень. В его глубине, под несколькими футами синего льда угадывались очертания статуи условного противника.

Но действие заклинания на этом не прекратилось. Хрустящая корка стремительно поползла в стороны, жадно покрывая камень, стены, забор и безмолвные чучела условного противника слоем полупрозрачной наледи.

На полпути к роте поражающая сила “Ледяного штопора” сошла на нет. Наледь истончилась, превратилась в хрупкие веточки изморози, похожие на зимние узоры на стекле. Словно неведомый художник провел кистью, рисуя снежные цветы на оплавленных плитах у ног Чарли. Порыв ветра, ударил по глазам, заставляя зажмуриться. Сорвал берет, растрепал коротко остриженные волосы.

— Все! Молодцы! Теперь быстро убрали это художество. Через час жду всех в класс строевой подготовки. Будем разбирать ошибки. Маккензи!

— Да? — Чарли вскинул голову, смаргивая невольно выступившие слезы.

— Свободен от уборки. Покажись целителю.

— Слушаюсь, сержант.

— И молодец! В следующий раз встанешь центровым.

— Спасибо, сержант!

Подняться удалось не с первого раза — ноги после лютого перенапряжения подрагивали. Чарли неодобрительно покосился на соседа и все-таки отвесил ему пинка по пятой точке. Тот возмущенно взвизгнул и вскочил, потирая задницу.

— За что?

— Спать в бою меньше надо.

— Да я сознание потерял! — горячо и фальшиво возмутился дезертир.

Оборотень смерил его недобрым взглядом и сплюнул. А потом потащился в лазарет.

Штатного медика не оказалось на месте, и Чарли задумался — стоит ли его ждать? Подумаешь, кровь из носа пошла от перенапряжения. Не обморожение, не травма. Да и унялась уже.

Но встать из кресла, в которое он только что рухнул, было лень, поэтому оборотень потянулся к стопке газет на столике.

И замер. С огромной, на треть газетного листа, спектрографии на него смотрела его невеста.

Милая Кари.

До нашей встречи остался всего месяц, но я не приду.

***

Милая Кари.

До нашей встречи остался всего месяц, но я не приду.

Скользящие по бумаге пальцы замерли.

— Не придешь? — неверяще переспросила Кари. Так, словно бумага могла ей ответить. — Но почему?

Впервые я по-настоящему жалею, что ты не читаешь мои письма. Так было бы проще. Объяснить все на бумаге, не впутывая общих друзей и знакомых.

Проще не получится.

Твою историю перепечатывают в газетах, а новость о твоём изобретении уже облетела весь мир.

Знаю, что должен радоваться за тебя, но не могу. Ты теперь богата и знаменита, а кто я? Проситель. Обуза. Неудачник.

Я мечтал стать достойным тебя, но мне жизни не хватает, чтобы тебя догнать. Мечтал подарить тебе весь мир, но ты уже завоевала его сама.

Теперь я понимаю, почему ты избегала меня и почему потребовала отсрочки на год. Какой-то оборотень не пара магу с мировым именем, совершившему эпохальное открытие.

— Дурак!

Пальцы непроизвольно сжались, сминая письмо. Кари вскрикнула и принялась разглаживать лист, но поздно. Часть послания была безнадежно испорчена.

— Дурак, — сердито повторила она. — Какой же ты дурак, Чарльз. Не смей судить меня по себе!

Да год назад она понятия не имела, что их с Аланом авантюра удастся! Надеялась, конечно, что лет через десять-пятнадцать что-то получится, но никак не через год.

Ничего бы и не получилось, если бы не ди Форкалонен с его деньгами и связями...

И уж точно Кари никогда не считала, что слишком хороша для Чарльза Маккензи!

Случайным капризом Луны я твоя пара, но этого недостаточно. В том, что тебя влечет ко мне, нет моей заслуги, ты верно заметила, что это принуждение.

Я не стану принуждать тебя.

Отпускаю...

Прощай.

Как он мог?! Как он посмел ее бросить?! После целого года страстных, нежных, искренних писем. После целого года, наполненного ожиданием и предвкушением встречи. После всего, что она успела нафантазировать и наметтать?!

Чарльз Маккензи снова предал ее. Снова сделал больно и на этот раз куда больнее, чем в прошлый. Снова доказал, что на него нельзя положиться, ему нельзя доверять.

Дешево же стоила его хваленая любовь, если Маккензи, услышав об успехах Кари, так легко от нее отказался.

Волчица заморгала, сглатывая злые слезы. Безжалостно смяла письмо и вышвырнула в урну.

— Что же, ладно, — голос отчего-то дрожал и прерывался, в горле стоял горький комок. — Прощай. Катись в Бездну, Маккензи, я не стану по тебе плакать.

***

Сержант Рассел вломился без стука. Соседи Чарли по комнате дружно вскочили и вытянулись. Дэн даже поднес было руку к виску, но под сердитым взглядом командира смутился и спрятал ладонь за спину.

— К пустой голове не прикладывают, — хмуро сообщил ему сержант. — Вольно. А ну пошли отсюда! Мне с мальцом потолковать надо.

Парни мигом испарились.

“Начинается”, — мысленно вздохнул Чарли. И остался лежать.

— Ты чего творишь, салажонок? — грубовато поинтересовался сержант. — Это что еще за страдашки в духе истеричной недотраханной бабенки?

От пинка кровать наклонилась и оборотень слетел на пол.

— Встать, когда с тобой командир разговаривает! — огромная ручища (сержант даже по меркам троллей был здоровенным громилой) вздернула Чарли вверх, заставляя вытянуться. Налитые кровью глаза смерили парня снизу вверх, и сержант презрительно скривился.

— От тебя воняет, курсант. Когда ты последний раз мылся?

Чарли пожал плечами.

— Отвечай, мать твою!

— День или два назад, сержант. Не помню точно.

Дни сливались в какую-то серую кашу. Без цели Чарли ощущал себя марионеткой, у которой обрезали веревочки. Беспомощным слизняком.

— Не помнит он! — командир глухо зарычал, обнажив длинные кривые клыки. — Ты мужчина или сопливая писюшка, курсант Маккензи?!

До сопливой писюшки оборотень в своем самоуничижении еще не успел опуститься, поэтому оскорбление задело.

— Отвечай! Ты — жалкая хныкающая сучка, да?!

— Никак нет, сэр, — рявкнул он в ответ. Вбитые за месяцы учебы рефлексы сработали без участия разума. Чарли расправил плечи, встал навтыжку и взглянул командиру в глаза.

— Тогда какого хрена ты ведешь себя, как ноющая соплюха?!

Эти слова заставили вспомнить все еще раз. Дни отчаяния и неверия. Письмо с осторожными вопросами, которое он после недели сомнений и штудирования газетных статей рискнул выслать своему другу. И убивающий любую надежду ответ.

Да, Кари Маккуин вместе с ее очкастым приятелем-аспирантом действительно совершила открытие века. Удаленная голосовая связь теперь реальность. Первые магофоны уже продаются в столичных магазинах, и несмотря на совершенно неадекватный ценник, количество желающих обладать новомодной игрушкой только растет.

Деньги и слава. Слава и деньги. Огромные, прямо нечеловечески огромные деньги. И слава — даже если Кари за всю последующую жизнь не сделает ничего выдающегося, имя его невесты уже золотыми буквами вписано в историю магической науки.

Кто он теперь рядом с ней? Что он может ей предложить?

Ни-че-го.

Ничего, кроме созданной Луной связи, которой сама Кари тяготилась, ощущала, как принуждение, зависимость.

От известия до решения протянулась еще неделя мучительных раздирающих душу сомнений, когда Чарли то порывался выбить увольнительные и приехать к ней, то убеждал себя дожидаться обещанной встречи.

Но зачем? Чтобы при встрече услышать все то же равнодушное: “Я не люблю и не уважаю тебя, Чарльз. Оставь меня в покое”.

Обида и злость жгла изнутри, но злится не на кого кроме самого себя. Кари никогда ему ничего не обещала. Он сам поверил, что сможет завоевать ее, добиться, доказать, как она в нем ошиблась.

Дурак. Наивный мечтатель.

Чарли не был нужен ей даже когда они были на равных. Что уж говорить про сейчас, когда до нее далеко, как до звезды.

И вот теперь, когда решение уже принято, когда отправлено и письмо, которое никто не прочтет, и официальная записка через знакомых, пришла апатия. Все стало бессмысленным, цель исчезла и незачем больше вставать по утрам, день за днем преодолевать себя в изматывающих тренировках за гранью возможного.

— Так ты поступил сюда ради девки? — сержант скривился так, словно очень хотел сплюнуть.

— Она не девка, — сквозь усталое равнодушие прорезалась злость. Пусть Чарли отпустил ее, пусть мысленно отрекся от всех прав на свою невесту, никто не будет в его присутствии пачкать Кари словами!

— Да-да, все понимаю. Она богиня, единственная, особенная и все такое. Запомни курсант, — насмешки в глазах сержанта не было, как не было и презрения. Только сочувствие и понимание. — Добиваться чего-то надо только ради себя самого. Не ради женщины или чужих ожиданий. Не ради того, чтобы тебя потом по головке погладили и конфетку дали. Ты должен сам этого хотеть. Поставил цель — иди к ней, будь мужчиной.

Милая Кари.

Снова пишу тебе, хоть и обещал больше этого не делать. Так привык заканчивать день посланием к тебе, что не могу уснуть, пока не набросаю хотя бы короткую записку.

Мне это нужно — поговорить с тобой хотя бы так. Еще раз вспомнить твое лицо, голос, улыбку.

Не бойся, я не стану больше докучать тебе письмами до востребования. Куда проще сразу сжигать написанное.

Сержант Рассел умный мужик, хоть глядя на его рожу это трудно предположить. Он вправил мне мозги за один вечер. А потом назначил десять нарядов вне очереди за прогулы занятий, и, чтобы окончательно выбить дурь, заставил почти шесть часов подтягиваться, отжиматься и ползи по полосе препятствий, пока я не рухнул мордой в грязь.

Знаешь, удивительно эффективные воспитательные меры. Я просто в восхищении. Если у меня когда-нибудь будет сын, попрошу сержанта провести мастер-класс.

Мои цели не менялись, изменились только формулировки и уровень притязаний. Раньше я мечтал что-то доказать тебе. Теперь я хочу этого для себя.

Да, деньги и слава играют не последнюю роль в моем решении. Но главное: я чувствую и знаю, что могу это. И мне нравятся вызовы, которые Норд-Джек ставит передо мной.

Я доучусь. Стану самым известным монстрохантером империи. Заработаю столько, что мне не стыдно будет встать с тобой рядом. И тогда мы снова встретимся.

Я люблю тебя, Кари. И все еще мечтаю однажды назвать своей.

ГЛАВА 4

Послания от Чарльза больше не приходили.

“Ну и пускай проваливает! Мне все равно”, — со злостью повторяет себе Кари. Но проблема была как раз в том, что ей не все равно. Совсем не все равно.

Она скучает по искренним строкам. Скучает по волшебному ощущению, что ею восхищаются, ее любят, боготворят. Не из-за денег и славы, не потому что надеются с ее помощью получить какие-то преференции. Просто так. Потому что Кари такая, какая есть.

Особенная для кого-то.

Она так и не смогла выбросить его письма. Хотела, но рука не поднялась. Более того: порой, устроившись вечером в кресле с бокалом вина, она перечитывает их. И злится, отчаянно злится. На себя, за то что не может забыть своего несостоявшегося жениха.

На Чарли, за то что тот посмел от нее отказаться.

Здравствей, Чарльз.

Сама не знаю зачем я это пишу.

Наверное, чтобы сказать тебе, что ты трус.

Ты год морочил мне голову своей любовью, а потом просто сбежал. Ты трус, Чарльз. И не надо рассказывать, что делаешь это из любви ко мне. Все, что любой человек, оборотень или демон делает, он делает для себя. Всегда.

Твое раздутое эго оказалось больше твоей якобы “любви”. Что, задевает, когда твоя женщина будет успешнее, богаче и известнее? Так вот, у меня для тебя новость: я не твоя женщина.

Не смей подходить ко мне, не смей больше писать.

И убирайся из моей головы, чтоб тебе во Врата провалиться!

Не твоя Кари.

На последнем знаке Кари с такой злостью вонзила шило, что оно не только проткнуло бумагу, но и наполовину вошло в планшетку. Она выдохнула со злостью, выдернула и смяла листок.

Полегчало...

Чарльз прав — что-то в этом есть. Сама возможность хоть так высказать все что накипело освобождает.

Разумеется, она не станет отправлять это письмо — слишком красноречивое свидетельство своей капитуляции. Но, возможно, еще напишет.

И не раз.

***

Моя милая Кари.

Наверное, это глупо, но я слежу за твоей карьерой. Собираю все статьи и заметки о тебе. Особенно дорожу теми, где есть твои фотографии.

Ты стала еще красивее. Глаз отвести невозможно.

И я все больше убеждаюсь, что все сделал правильно.

Дни летели за днями, поделенные между работой и бесконечными интервью, которые Раум полностью спихнул на нее.

— Я не хочу! — возмущалась Кари поначалу. — Почему я должна тратить на это время?

— Потому что так надо, — снисходительные нотки в голосе Раума раздражали. — Детка, ты — лицо компании, живая легенда.

— Но почему я? Это даже не моя теория, ее автор — Алан...

— Ты хочешь, чтобы я его показывал журналюшкам? — удивился демон. — Ага, он им наговорит, ты же знаешь.

Кари мрачно кивнула, признавая его правоту. Ее гениальный друг, ставший за вклад в магическую науку самым молодым профессором в истории, патологически не умел общаться с нормальными людьми. Тем более с хищной журналистской братией.

— Нет, детка, только ты, больше никому. Ты умна, красива, умеешь держаться и знаешь когда надо промолчать. Да они от тебя кипятком писают, — он покровительственно похлопал Кари по плечу, и волчица еле сдержалась, чтобы не выругаться.

Чтобы угнаться за тобой, мне придется постараться, но я готов. Мой амбициозный проект сердит и прост, как сержант Рассел с похмелья. Я закончу обучение, поднимусь до генерала, попутно заработав на истреблении монстров столько, чтобы твои капиталы показались так, мелочевкой на булавки. Для этого надо всего-то:

А) Закончить Норд-Джек за год экстерном;

Б) Получить назначение в Исхэлл;

В) Стать национальным героем (не обязательно, но очень желательно);

Г) Создать собственную хантерскую компанию и выдвинуться в число крупнейших частных поставщиков энергетики в стране;

Д) Приехать к тебе однажды на черном “Драконе”, подарить миллион лилий и увезти с собой в закат.

Отличный план, согласись. Уверен, я управлюсь уже к началу следующей недели.

***

Кари устала. Ее утомляет мишура, идущая комплектом к славе и большим деньгам. Шумиха. Назойливое внимание прессы. Бесконечные просители, которым надо, чтобы Кари дала денег, выступила в поддержку какого-то проекта, рассмотрела их бредовую и антинаучную идею, помогла с разработкой. Дельцы, желающие перекупить или переманить перспективную ученую из конкурирующей компании. Настырные мужчины с “очень серьезными намерениями”...

Раздражают знакомства на презентациях, когда какой-нибудь младший сын главы клана сначала задает вопрос вроде бы по делу, а потом незаметно переводит разговор на личное, расточая приторные комплименты. Кажется, что на нее объявлена настоящая охота, и Кари не нравится чувствовать себя дичью. Тонкий слух волчицы безошибочно различает фальшь в сладких речах.

— Ах, эти парни — настоящие красавчики — сплошные мышцы и животный магнетизм, — громко вздыхает ее секретарь — Бриджит. — И чего вам не хватает, госпожа Маккуин?

— Нравятся? Забирай, — усмехается слепая волчица.

Она не видит с рождения, и слова “настоящий красавчик” для нее просто бессмысленный набор звуков. А что до магнетизма, то ни к одному из этих надоедливых мальчишек ее не тянет и вполонину так сильно, как когда-то тянуло к Чарльзу. Не перехватывает дыхания, не подкашиваются ноги, не горит кожа от прикосновений.

Так чего они кружат рядом, как акулы, почуявшие запах крови?!

Да, она — Кари Маккуин, завидная невеста. И ее тошнит от толпы смазливых красавчиков, мечтающих залезть в ее душу и постель.

Дни утекают слишком быстро. У меня постоянно ощущение, что я не успеваю.

Остается только надеяться, что ты дождешься. Что в твоей жизни не появится какой-нибудь пустоголовый богатенький хлыщ, который навешает лапши на уши и украдет у меня.

Когда я думаю об этом, то становлюсь просто больным от ревности и обиды. Но знаешь: это отлично помогает в тренировочном бою, когда выматываешься так, что даже пальцем пошевелить — подвиг. Не дает отступить и сдаться.

Нет, я не жалею, что отказался от встречи. Потому что слишком хорошо понимаю — сейчас мне просто нечего тебе предложить.

Но так будет не всегда.

Проходит год и новость о гениальной Кари Маккуин потихоньку уходит в прошлое. Журналисты и публика постоянно голодны до свежих сенсаций, а изобретение магофона уже вчерашний день. Тем более, что несмотря на все исследования сотня миль так и осталась пределом дальности для голосовой связи.

Мало. Откровенно мало.

Без внимания прессы Кари кажется, что она снова может дышать. Наконец-то появляется время, чтобы серьезно заняться учебой! Кари прекрасно помнит, что в магии она недоучка, единственное преимущество которой — особое зрение. Про слепоту, с легкой руки газетчиков, не знает только ленивый. А вот про то, что легендарный самородок Маккуин умеет видеть мир эфира, аур, магических полей и энергетических плетений — только избранные.

“Все равно, что иметь прямой канал для общения с Мирозданием!” — шумно восхищался Алан при первой встрече.

Алан — вот кто на самом деле гений в их маленьком тандеме. Кари просто его глаза в тонком мире.

Но она выучится и докажет самой себе, что способна на большее, чем быть сверхценным измерительным прибором.

Здравствуй, Кари.

Да, я сделал это! С сегодняшнего дня я лейтенант действующих охотничьих частей. Командование расщедрилось на месяц отпуска, а потом начнется служба. Говорят, Искэлл — довольно жаркое местечко, несмотря на вечную мерзлоту, так что я запасуюсь огнетушительными заклинаниями и отращиваю шерсть на заднице своего волка.

Поверить не могу, что скоро снова увижу родителей, сестер, сородичей. Детство в Синих горах кажется таким бесконечно далеким, словно это было в другой жизни, не со мной. Прошло почти два года с моего последнего посещения дома. Я мог бы выбраться туда прошлым летом, когда все курсанты разъезжались на каникулы, если бы не поставил себе цель освоить трехлетнюю программу за год.

Это был какой-то адский год. Без увольнительных, без отдыха. Мне постоянно хотелось есть и спать. Больше не хотелось ничего.

Все, что осталось в памяти, это ор сержанта Рассела, бесконечные забеги по тренировочным трассам, командные атаки, бои на истощение. Я способен процитировать спецификации монстров, даже будучи пьяным в дрова, а уязвимые места василисков и гарпий сняты мне ночами в эротических кошмарах.

Если бы не мысли о тебе, я бы сдался.

Я думал о тебе все это время. Каждый день, каждый час. Ты была со мной — вдохновляла, вела. Убеждала своим примером, что все возможно. Помогала не отступить, когда желание сдаться становилось почти нестерпимым.

Но все было не напрасно. Первые два пункта плана выполнены, самое время становиться героем.

Щелчок, и с пальцев срывается искра. Высокий молодой мужчина в военной форме с нашивками лейтенанта задумчиво смотрит, как исколотый шилом лист сгорает в пламени.

Только очень внимательный наблюдатель смог бы заметить скрытую в его глазах тень бесприютной тоски.

ГЛАВА 5

“Похоже, это случится сегодня”, — отметила Кари. И вздохнула, не ощутив ни малейшего волнения.

Разве так должна чувствовать себя девушка, которой вот-вот сделают предложение?

Ужин был превосходен. Как и аккомпанемент небольшого оркестра — две скрипки, виолончель и саксофон. Как и само заведение — не зря “Золотой орел” считался одним из самых дорогих и престижных ресторанов столицы.

И мужчина сидящий напротив был превосходен. Воспитан, обаятелен, красив (последнее Кари знала со слов своего бессменного секретаря — Бриджит). Обеспечен... Нет, даже не обеспечен — откровенно богат, семейству Лэтсуорти принадлежали золотые прииски на юге, а Кевин являлся единственным сыном престарелого Грегори Лэтсуорти и холостяком года по версии журнала “Персона”.

“Так чего мне еще нужно?”

Проклятый Маккензи! Прошло уже два года с его последнего письма и почти три с их последней встречи в том кафе. За эти два года ее горе-жених не напоминал о себе ни разу. Не писал, не преследовал, не пытался поговорить. Действительно отпустил, как и обещал... Гад такой!

Почему же Кари никак не может его забыть, если не знала его никогда по-настоящему? Возможно, она навдумывала, и настоящий Чарльз так же бесконечно далек от искреннего и влюбленного мужчины из ее воображения, как сама Кари далека от придуманного им идеала.

Возможно, он давно женился и не вспоминает о ней.

От этой мысли во рту стало кисло и девушка потянулась за вином. И снова, уже в который раз, поклялась себе, что уничтожит проклятые письма как только доберется до дома.

Хватит жить иллюзиями. В реальности у нее есть Кевин. Хороший вариант по всем параметрам. Здоров, ухожен, ненавязчив, отличный экстерьер. Ну чем не пара?

— Кари... — голос мужчины звучал очень проникновенно, даже интимно. Волчица повернулась к нему и изобразила улыбку.

— Я понимаю, что мы встречаемся всего три месяца, — он потянулся, взял ее за руку и принялся ненавязчиво поглаживать Кари терпела молча. Прикосновения не были неприятными, они просто не вызывали никаких чувств.

“Сволочь Маккензи, что ты со мной сделал?”

— И я, разумеется, не хочу на тебя давить...

— Давай покороче, — поторопила его Кари, уже зная, что согласится.

И на секс согласится, если он предложит. Просто чтобы порвать этот заколдованный круг, вырваться из паутины лживых ласковых фраз. Чтобы попробовать, что такое настоящие отношения с живым мужчиной.

Возможно, это ошибка. Дженнифер — ее лучшая подруга — постоянно твердит, что заводить отношения с тем, кого не любишь — огромная ошибка. Но что поделать, если Кари никого не любит. Возможно, с ней просто что-то неправильно, и ей это недоступно — любить мужчину. Дефект с рождения.

— Я просто хочу сказать...

Чуткий слух волчицы выхватил в бормотании за соседним столиком фамилию Маккензи. Кари вздрогнула.

Она сходит с ума?

Но нет — этот мужчина точно сказал “Чарльз Маккензи”.

Ее Чарльз?

— ...и поэтому я хочу уже сейчас назвать тебя своей невес... Стой! Кари, погоди, ты куда!

Но она уже встала. Три шага вправо.

— Простите, я нечаянно услышала ваш разговор. Вы упомянули Чарльза Маккензи?

— Да, — с энтузиазмом откликнулся незнакомец. — Этот парень — настоящий герой! Спас мой родной город!

— Кари, что происходит?! — Кевин тоже вскочил и встал за спиной. Запах его парфюма вдруг показался неприятно навязчивым. — Мы разговаривали...

— Извини, — равнодушно бросила Кари за спину. Все ее внимание по-прежнему было сосредоточено на незнакомце. — Расскажите! — она вцепилась в его руку. — Мне нужно знать подробности!

— Так вот — в газете писали, — незнакомец охотно протянул ей свернутый листок. Он так и не понял, что девушка, которая набросилась на него с расспросами, слепа.

Кари поблагодарила его, вернулась за столик и сунула газету Кевину.

— Прочти.

— Что?! — искренне возмутился наследник Лэтсуорти. — Мы вообще-то разговаривали?!

— Кевин, это очень важно для меня.

— Важнее, чем наш разговор?

Волчица выдохнула сквозь зубы, пытаясь усмирить рвущее душу беспокойство. Нет, так нельзя. Кевин не виноват, что она его не любит, что она уже два года как больна вирусом по имени Чарльз Маккензи, чтобы ему пусто было.

— Извини, я не хотела тебя обидеть, но это действительно важно. Прочти мне статью про Маккензи, пожалуйста. Ты же знаешь, что сама я не могу.

— Нет! — категорично и словно даже с каким-то злорадством отрезал потенциальный жених.

— Нет? — изумилась Кари. Она привыкла к тому, что близкие люди с пониманием относятся к ограничениям, которые накладывает ее слепота. Ни мать, ни братья, ни подруги никогда не отказали бы ей в подобной просьбе.

— Сначала договорим. Статья подождет.

Вместо злости, Кари вдруг почувствовала огромное облегчение.

— Давай договорим, — весело согласилась она. — Нет, я не стану твоей невестой, Кевин. Думаю, наши встречи с самого начала были ошибкой. Спасибо, что помог мне это понять.

Дорогая Кари.

Они все твердят, что я герой, но я знаю, что я просто везунчик.

Стоит закрыть глаза, и в памяти встают циклопы, крошащие лед и скалы, горящая земля и небо в алых отблесках. Слышу шипение гидры и визг гарпий, от которого перепонки готовы лопнуть, вижу клубы кислоты, ползущие по улицам Сноухидд. Тех, кто попал в кислотное облако, мы хоронили в закрытых гробах.

А мне просто повезло потому что я, как новичок, стоял на третьей линии обороны. И к тому времени, как все старшие по званию полегли, а волна Большого прорыва докатилась до нас, артефакторы успели активировать защитный контур. Повезло, что чары продержались до подхода огневых установок. Повезло, что я, сопливый лейтенант, остался старшим по званию в окружении таких же сопливых новобранцев. Повезло, что никто не усомнился в моем праве командовать, что ни один из рядовых не бросился бежать, спасая свою задницу.

Был момент, когда я был уверен, что останусь там. Что мы все останемся.

Мысленно я успел с тобой проститься. И пожалеть, что отпустил.

Журналист, который брал у меня интервью, спросил было ли мне страшно. Я сказал, что да, но на самом деле страх пришел позже. Потом, когда я сидел на земле, глядя в мертвые глаза дракона. Ему не хватило каких-то пяти шагов. Если бы защитная установка не выдержала чуть раньше, меня бы тоже хоронили в закрытом гробу.

И вот теперь я герой. Как и планировал, как мечтал. Мне уже присвоили майора, протащив сразу через два звания. Кажется, я самый молодой майор в истории нашей армии. И точно первый, кто получил Пурпурную звезду в двадцать пять лет.

Знаешь, когда я мечтал стать героем, я не так это все представлял.

Ребят жалко.

Но теперь, взглянув на что способны приходящие из Бездны, я понимаю как хрупок наш мир. Они зло, Кари. Настоящее без всяких оговорок зло, которое приходит, чтобы уничтожить все, что мы любим и чем дорожим.

Со злом надо сражаться.

Прости за пафос. На меня иногда находит.

По-настоящему греет мысль, что все это не напрасно. Благодаря моей службе здесь, среди льдов, ты там, далеко на юге, можешь ходить по улице, без страха. Жить так, будто Бездны и ее порождений просто не существует.

Я думаю о тебе и представляю, как ты стоишь в лучах солнца в легком летнем платье и улыбаешься мне. Только мне.

Я так соскучился по солнцу и лету. Так соскучился по тебе...

***

— Я ни хрена не понял в этой зауми! — Раум отшвырнул доклад на стол, и Кари понимающе усмехнулась. Алан никогда не научится объяснять свои мозголомные теории языком, понятным обывателям.

“Но ведь это же так просто!” восклицал друг, вываливая на неподготовленного человека трехстраничную формулу, — “Даже ребенок разберется”.

Ди Форкалонен ребенком не был, поэтому последние десять минут волчица гадала, когда же у босса кончится терпение продираяться через выкладки.

— Кари, детка, ты можешь объяснить мне нормальными словами почему невозможно увеличить дальность связи? На что мы потратили гребаные сто миллионов имперялов?

— Могу, — охотно откликнулась она. — Согласно исследованиям Алана, проблема в наводках, которые дают Врата.

— Врата? Они же хрен знает за сколько сотен миль отсюда!

— Это неважно. Портал такого размера все равно вносит искажения в эфирное поле мира. На малых расстояниях мощности приемного кристалла хватает, чтобы их скомпенсировать, но чем дальше магофоны друг от друга, тем хуже связь.

— Так, ладно. Обрадуй меня, скажи, что с этим можно что-то сделать? На что ушли мои сто миллионов?

— На разработку новой теории эфира, — со злорадством ответила Кари. Дождалась пока демон наберет воздуха, чтобы разразиться гневной речью и успокоила его. — Но благодаря ей мы смогли улучшить качество и дальность связи почти вдвое.

— Мало, — мрачно отозвался Раум. — Две сотни миль на ровной местности. С такими расстояниями мы так и останемся запасным вариантом. Мода на магофоны уже проходит. Если срочно не решим проблему с дальностью, окажемся в глубокой заднице.

— Алан уверен, что сможет скомпенсировать наводки с помощью калибровки, если соберет данные о характере искажений, — после некоторых раздумий призналась Кари.

Сама она не верила в калибровку такой точности. Нужно строить сеть приемно-передающих станций по стране, Кари с самого начала об этом говорила, но Рауму уцепился за идею увеличить дальность без лишних расходов — мол, постогографы работают без станций и ничего.

Постогографы работают на другом принципе, ди Форкалонену стоило бы меньше слушать Алана. Тот с радостью пообещает что угодно, лишь бы заполнить белые пятна в своей теории.

А она... Ну, у нее свой интерес.

— То есть надо отправить к большим северным Вратам команду высоколобых умников, правильно я тебя понимаю?

— Не просто команду умников, а команду умников во главе со мной, Раум.

— С тобой... — недовольно протянул демон. И задумался. — Мне это не нравится. Детка, там ползает куча всяких адовых тварей, а еще отряды вооруженных до зубов уголовников. Нечего тебе там делать.

Мысль об адских тварях заставила сильнее забиться сердце. Кари остро захотелось ощутить на лице холодное дыхание севера, увидеть переплетение энергетических линий над ведущим в Бездну порталом, прикоснуться к месту, где рвется сама реальность, обнажая проход в иной мир.

И, разумеется, один надоедливый вредный волк, который служит где-то рядом с Вратами тут совершенно не причем.

— Без меня ничего не получится, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Ты же знаешь...

— А если отправить вместо тебя гору, просто гору всяких сканирующих амулетов?

— Амулеты тоже придется взять, но без меня не обойтись.

— Ладно, — приунывший было демон снова повеселел. — На следующей неделе мне назначена аудиенция у его высочества. Выбью для твоей команды допуск на военную базу и охрану, раз уж принц поддерживает идею звуковой связи. Увеличение дальности — вопрос стратегической важности, мы не можем допустить, чтобы моего ведущего сотрудника сожрала какая-нибудь голодная каракатица.

Милая Кари.

Сегодня я сделал еще один очень важный шаг на пути к тебе. Все заработанные за время службы деньги я вложил в "СоулПром" — свежую монстродобывающую компанию, созданную ди Небирсом.

Инвестиции в стартапы всегда риск, но я верю в успех. Я видел ди Небирса в деле, он просто бог монстрохантинга, что и неудивительно, учитывая его расу. Именно под его руководством отряд из пятерых охотников в прошлом году уложил дракона. Ты только вдумайся, Кари! Впятером — дракона. Причем не потеряв никого из личного состава.

Вот уж не думал, что когда-нибудь напишу такое про демона, но сам ди Небирс мне нравится. Этот парень иногда кажется совершеннейшим психом, но в бою на него можно положиться. Мы познакомились год назад, когда я только прибыл в Исхэлл. Тогда под его началом был один отряд, сейчас их шесть. У "СоулПром" самая низкая смертность среди частных энергетических компаний и отличная динамика роста. Кроме того, Дэмиан ди Небирс обладает чутьем на толковых ребят, ну а склонность к бизнесу у всех демонов в крови, так что когда он предложил войти в долю, я не стал долго раздумывать. Да, я помню, что мечтал сам основать энергетическую компанию, но шанс сделать это выпадет не раньше, чем через четыре года, когда истечет мой контракт с армией. Кроме того, я не питаю иллюзий относительно своих талантов в области бизнеса.

Каждый должен заниматься своим делом. Я солдат, а не делец.

Если все и дальше будет идти по моему плану, то уже лет через пять я стану генералом, достаточно обеспеченным, чтобы ухаживать за тобой так, как ты этого заслуживаешь.

Только дождись меня. Пожалуйста, дождись.

ГЛАВА 6

Знакомство с потенциальным женихом пришлось отложить. Билеты были уже куплены, все дела отменены и Кари с Брайаном сидели на чемоданах, когда пришло сообщение от родных: в горах случился обвал, единственную дорогу засыпало и расчистят не раньше, чем через три дня.

- Я уже начинаю ненавидеть этого твоего Маккензи, - скорбно поделился Брайан с Кари. - Вот не мог он сделать тебе предложение на каникулах?

Да, у брата все-таки не получилось отвертеться от поездки. Когда речь заходила о по-настоящему важных вещах заставить матушку отменить ее планы не смог бы даже совет вожаков. И поскольку помолвка младшей дочери, по мнению Эрны Маккуин, относилось как раз к таким вещам, никакие ссылки на учебу и грядущую сессию не принимались.

Кроме того, разве можно допустить, чтобы несчастная, слепая и беспомощная девочка ехала в поезде совершенно одна! Какой кошмар, ее же там изнасилуют, обворуют или украдут в гарем султана. Или даже все сразу.

- Не мне одной страдать, - злорадно хмыкнула девушка.

Брат надулся.

- Вот увидишь: этот Маккензи окажется каким-нибудь уродом, - пообещал он.

- Если так, то с его стороны очень мудро выбрать слепую жену.

- С визгливым голосом и мерзким запахом.

- Безрадостная картина, - весело согласилась Кари. - Тетка Ванда явно меня ненавидит, если подобрала такого мужа.

Вообще-то, с теткой у нее действительно были трения - Кари отказалась учиться у нее, чтобы занять место шамана в будущем. Но это не повод подбирать в мужа упрямой племяннице мерзкое страховидло.

После матушкиного письма прошла неделя, было время подумать. И по зрелому размышлению, Кари решила, что помолвка не такая плохая идея. По крайней мере, мама точно отвяжется от нее с замужеством. А свадьбу все равно по волчьей традиции отложат до того момента, пока будущий супруг не закончит академию, то есть четыре года у нее в любом случае будет. И желание быть поближе к жениху - прекрасное оправдание для окончательного переезда в столицу.

И может, сам Чарльз ей понравится? Сокурсники отзывались о нем, как о неплохом честном парне с достаточно широкими для оборотня взглядами.

Короче, прежде чем категорически отказывать, стоит сначала принюхаться.

Время в дороге прошло с пользой. Кари дочитала учебник по теории магических потоков и почти успела сформулировать список вопросов, которые собиралась задать преподавателю. Нельзя всю жизнь выезжать на уникальном видении магии, надо осваивать теорию.

А на вокзале уже ждал дядя Патрик.

- Мелкая! - весело загудел он. Подхватил Кари на руки - легко, слово ей по-прежнему было пять лет - и подкинул в воздух, заставив взвизгнуть. - Похорошела-то как! Всем парням на погибель! Жених твой глаз отвести не сможет!

Кари поцеловала его в колючую щеку, обняла за шею, наслаждаясь детским ощущением покоя и безопасности.

- А ты видел моего жениха, дядя Патрик? Какой он?

- Не видел. Я как поехал закупаться для фермы, так застрял. Дорогу только сегодня утром расчистили, - он опустил девушку на землю, пожал руку Брайану. - Не бойсь, мелкая! Эрн плохого мужа не выберет.

- Дядь Патрик, а где твой пикап? - подал голос брат.

- Да на сервисе, - голос мужчины стал немного смущенным. - Подвеска барахлит, я и решил: раз уж все равно застрял тут, отгону в мастерскую. Теперь забрать надо.

- Это ведь на другом конце города? - уточнила Кари. - Можно я с вами не пойду?

День был погожий, и при других обстоятельствах она не отказалась бы прогуляться, но сейчас, пока прочитанный учебник был свеж в памяти, пальцы горели от желания завершить работу.

- Ну, если с тобой братец останется...

- Вот еще! - возмутился Брайан. - Делать мне нечего.

- Ну уж нет! - не менее горячо поддержала его Кари. Хватит и того, что брат всю дорогу мотал ей нервы и отвлекал разговорами. - Брайану вредно сидеть на одном месте, у него тогда вся кровь приливает к ягодичным мышцам, и думать он начинает именно этим местом.

Брат возмущенно запыхтел, явно обдумывая ответную гадость.

- И что: будешь сидеть одна на вокзале? Ты в своем уме, мелкая? Тут же шушеры всякой полно, жуликов!

На самом деле большую часть суток провинциальный вокзал небольшого городка был абсолютно пустым, если не считать скучающего в билетной кассе продавца. Но некоторые вещи старшему поколению объяснить проблематично.

- А я в кофейне подожду! - нашлась Кари. - Тут недалеко.

***

Чарли стискивал кулаки и шагал, не разбирая дороги. В душе все кипело от ярости и обиды.

Он отказался от права зваться вожаком, чтобы защитить Дженни. Бросил на полтора месяца учебу, чтобы спасти ее доброе имя в глазах соплеменников. Отправился в эту богиней забытую дыру, чтобы уговорить старую ведьму помочь. Согласился повесить себе ярмо на шею в виде слепой девицы.

Все, все ради Дженни. А она что? А она в это время развлекается с богатеньким мажором! Валяется с ним на одной кровати в больнице, чуть ли не трахается на глазах у персонала!

А про Чарли вспоминает, только когда у нее проблемы.

Интересно, вот как она запоет, если он сейчас возьмет билет на поезд и уедет?! Просто исчезнет, не объясняя ничего, не обсуждая. Он бы посмотрел, как Дженни будет разговаривать с шаманкой без него, с удовольствием послушал, как вредная старая гримза пошлет просительницу.

От злых мыслей невольно стало стыдно, и оборотень замедлил шаг. Он понимал, что никуда не уедет. Пока дорожные службы разбирали завал, Маккуин принимали его, как своего. Как будто он уже успел обменяться кровью с младшей дочерью вождя.

Волк - хозяин своему слову. Обещал, значит, должен жениться.

Просто... так хотелось, чтобы его жертву оценили. Чтобы подруга детства поняла, как много он сделал для нее, чтобы хотя бы поблагодарила от души, а не кивком головы с таким видом, словно ей не очень-то и хотелось снять клеймо.

И как же хотелось, чтобы Дженни признала, что он был прав насчет ди Форкалонена. Что вся эта отвратительная, глупая ситуация по ее вине - она отказалась выйти замуж, превратила себя в изгоя и лишила клан наследника. А надо было слушать, когда Чарли предупреждал по поводу демона!

Он замедлил шаг, достал платок и громко высморкался. Еще и насморк в этих горах подхватил. Оборотень в соплях - кому скажешь, засмеют.

Обида постепенно отпускала и Чарли, задавшись вопросом куда он идет, завертел головой. Улица показалась ему смутно знакомой. Кажется, он проходил здесь уже не в первый раз.

Так, надо передохнуть. Посидеть в какой-нибудь забегаловке, успокоиться и подумать, как действовать дальше.

На глаза попала вывеска с дымящейся чашечкой. Кофейня - прямо как на заказ! Оборотень толкнул дверь и шагнул внутрь.

***

Вдохнув ароматы кофейни Кари чуть было не сбежала.

Нет, пахло тут очень приятно. Свежим кофе и горячим шоколадом, корицей, кардамоном и ванилью. К запахам напитков и специй примешивался еле ощутимый, но восхитительный запах свежей выпечки. Ароматы изумительно гармонировали друг с другом и с наполнявшим пространство кофейни звуками - позвякивание ложечки о фарфор, скрип подвижных стульев, шорох джезвы, скользящей по горячему песку, негромкие разговоры...

Но для чувствительного носа волчицы такая интенсивная атака оказалась непосильной. Кари, привыкшая во многом "видеть" окружающий мир посредством обоняния, ощущала себя беспомощной.

Но дядя Патрик уже тащил ее вглубь зала, и девушка решила, что ничего страшного за полчаса без обоняния в кофейне с ней не случится.

- Вот, мелкая, - постановил он, отодвигая для нее стул. - И чтоб отсюда ни ногой, пока мы не вернемся!

- Конечно, - заверила она родственника. И достала планшетку и шило.

Минут десять Кари с удовольствием работала, а потом парочка за соседним столиком начала выяснять отношения. Громко и весьма эмоционально.

Сосредоточиться на письме стало просто нереально. В условиях напрочь забитого запахом кофе обоняния слух особенно обострялся, улавливая малейшие вздохи и оттенки интонаций.

Парень - судя по голосу совсем молодой, не старше Брайана - высказывал претензии, упрекая подругу в неблагодарности. Девушка не только не раскаивалась, но и явно еле сдерживалась, чтобы не послать благодетеля по известному адресу.

Подслушивать нехорошо, и Кари с удовольствием бы этого не делала. Если бы они догадались говорить потише, а лучше в другом месте.

- Да ты знаешь, на что мне пришлось согласиться, чтобы уговорить шамана снять с тебя печать?!

- Нет.

- Я должен буду жениться на инвалиде! - с упреком воскликнул парень. - Какая-то слепая от рождения девица!

Кари вздрогнула. По спине пробежал неприятный холодок.

- Ее родня хочет, чтобы я переехал к ним в клан и день-деньской вытирал ей сопли, ты можешь это представить!

Не бывает таких совпадений! Или бывает?

Сейчас, когда беседа превратилась из абстрактной ссоры двух совершенно неизвестных индивидов, в разговор, касающийся Кари, правильно было бы обозначить свое присутствие. Но вместо этого девушка вся обратилась в слух.

- Я предлагал шаману деньги, услуги, но она ни на что не соглашалась. Или я женюсь или ты так и остаешься изгоем. И я согласился! Пошел на это ради тебя! А ты...

- А что я? - растерялась неизвестная девица.

- Сначала, когда до цели остается всего полчаса ты все бросаешь и уезжаешь с ди Форкалоненом! Потом этот обвал! Я два дня места себе не находил, пока его не разобрали. Вынужден был общаться с будущими родственниками, и делать вид, что все в порядке. А знаешь, какая надоедливая у нее родня! Особенно моя будущая теща: она решила собрать на помолвку весь клан. Все эти бесконечные семейные обеды, общение с вдовыми троюродными тетками внучатых племянников!

Кари стиснула кулаки, чувствуя, как на смену благодушию приходит холодная трезвая злость.

Да, ей ли не знать, какими надоедливыми умеют быть ее родичи, особенно мама? Но что бы этот типчик ни думал о них, он не имел права обсуждать их в подобном тоне! Тем более с какими-то посторонними девицами!

За одно мгновение вся благожелательность к жениху, которую Кари взращивала в себе целую неделю, обратилась в ничто, а Чарльз Маккензи занял одно из лидирующих мест в ее личном рейтинге неприятных субъектов.

- Я думал, с ума сойду. Переживал как ты, гадал что этот подонок с тобой сделал. И вот, наконец, завал разобран, дорога восстановлена, я под каким-то дурацким предлогом уезжаю от Маккуинов, нахожу тебя. И что я вижу?! Ты! С ним! Целуешься!

Итак, еще веселее. Спасибо тебе, дорогая тетя за этот сомнительный подарочек. Можно подумать, Кари всю жизнь мечтала о женишке, безответно влюбленном в какую-то чужую девицу.

- Целуюсь, - мрачно подтвердила чужая девица. - И что? Тебе какое дело? У тебя же невеста есть.

- Но я же все устроил, чтобы снять печать... Ты больше не обязана быть с ним!

Маккензи уже упоминал о печати изгоя раньше. Картина потихоньку проясняется. Итак, Ванда согласилась снять с его подруги (видимо, тоже волчицы) печать в обмен на женитьбу на Кари.

Да уж - просто свадьба мечты. Неужели тетка настолько ее не уважает?

- Я не брошу Раума, Чарли. Мне с ним хорошо.

- Значит, ты вернешься в клан, ди Форкалонен получит тебя, а мне жениться на какой-то слепой дуре, которая даром никому не нужна?! Переезжать в это захолустье. Хорошо вы устроились, ничего не скажешь.

Эмоции схлынули резко, осталась только брезгливость и легкое отстраненное любопытство. Этот Маккензи был для Кари чужаком и она твердо решила, что чужаком он и останется.

- Мы устроились? - девица за соседним столиком опешила. - Ты сам применил ко мне Императив, чтобы заставить выйти за тебя замуж!

Все интересней и интересней.

- Я пытался тебя защитить! И сделал все, чтобы исправить свою ошибку. Ты могла бы хоть поблагодарить!

- За что? За то, что я из-за тебя стала изгоем?

- Значит, не за что? - запальчиво переспросил оборотень. - Интересно, а что ты скажешь, если я откажусь жениться?

- Скажу, что это очень некрасиво по отношению к девушке и ее родным, - зло обрubiла его собеседница.

Послышался звук отодвигаемого стула - девица встала.

-А знаешь что: отказывайся. Мне кажется, для этой девушки будет лучше остаться одной, чем с таким, как ты. А мне не нужно милостей с барского плеча, если ты потом собрался всю жизнь попрекать меня ими!

- Дженни! Подожди!

Сердитый цокот каблучков разнесся по кофейне, потом звякнул колокольчик над дверью. Оборотень за соседним столиком сдавленно выругался. А потом оглушительно чихнул.

Кари отхлебнула кофе, пряча в чашке довольную улыбку. Она услышала достаточно. Теперь, даже если Маккензи все же решит жениться, ей будет что сказать сородичам по поводу этого брака.

ГЛАВА 7

— В парке набирают людей в массовку для завтрашних съемок, — сообщила хозяйка, когда следующим утром Ани спустилась на кухню, чтобы приготовить завтрак. — Вы бы сходили. Платят, конечно, гроши, но все равно выходные, а вам вроде деньги нужны.

Не сказать чтобы так уж нужны — продажи у Лиара пока шли отлично. Но интересно же!

Ани мгновенно позабыла о завтраке и взлетела вверх по лестнице, чтобы порадовать демона новостями. А уже через десять минут они оба шли в сторону городского парка. Девушка приплясывала и еле удерживалась, чтобы не перейти на бег. Даже если их не возьмут в массовку, все равно интересно. Она никогда не видела, как снимают синема-фильмы.

Но при виде длинной очереди, хвост которой тянулся вдоль аллеи, сердце упало. Не они одни такие умные, Лейтон это не благополучный Марлевей, у студентов летом полно свободного времени и всегда нехватка денег.

— Не переживай, — усмехнулся Лиар и встал в конец очереди. — Массовку набирают с запасом, потому что не все потом приходят.

— А ты откуда знаешь? — полюбопытствовала Ани, вставая рядом с ним.

— Мой дальний родственник — Леонард ди Форкалонен — владеет самой крупной студией в империи.

Ани восхищенно ахнула.

— Ты про “Ди Форкалонен Синема Пикчерз”?!

— Ага, — Лиар прищурился и привстал на цыпочки, разглядывая логотип на палатке рекрутера. — Кстати, как раз туда массовку и набирают, — он помрачнел. — Может, уйдем?

— Как уйдем? Почему?! — Ани растерянно обернулась на него. Демон покраснел и отвел взгляд. — Я так хотела попробовать...

— Да, дурацкая идея, извини, — он помрачнел. — Просто подумал... А, забудь!

— Не хочешь встречаться со старыми знакомыми, — догадалась девушка. Тяжело вздохнула и потянула его из очереди. — Ладно, пойдём.

— Нет, подожди! — Лиар обнял ее и чмокнул в макушку. — Это все блажь. Никто из моего прежнего окружения не занимается такой мелочью. Леонард даже на главной студии бывает редко. А имена актеров из массовки в титрах не пишут. Я зря дергаюсь.

Не зря, как оказалось. Они уже заполнили анкеты и регистрировали их у рекрутера, когда за спиной раздалось.

— О, кого я вижу! Глазам не верю: кузен Валиар собственной драгоценной персоной?! И даже без матушки.

Лиар напрягся, узнавая этот ленивый, всегда немного насмешливый голос, и еле сдержался, чтобы не выругаться вслух.

Вот уж повезло так повезло. Знал бы — из дома сегодня не вышел.

Но делать вид, что они незнакомы было поздно, поэтому он обернулся и чуть шагнул вперед, заслоняя собой Ани.

— Здравствуй, Раум. И прощай. У меня мало времени.

Раум ди Форкалонен смерил его скептическим взглядом и выразительно приподнял бровь.

— Так мало, что ты записался для участия в завтрашней массовке? Кстати, прелестный костюмчик. Отоварился на ближайшей помойке?

Лиар стиснул кулаки, мучительно подбирая и не находя слов для ответной колкости. Чем можно задеть Раума он не представлял.

С ди Форкалоненом вообще старались не связываться. Его побаивался даже Фуркас. Но полтора месяца борьбы за выживание и попыток доказать самому себе, что он чего-то стоит не прошел даром. Лиар научился давать сдачу. Можно сказать, почувствовал вкус к этому занятию.

— Молодой человек, — визгливо и громко возмутилась стоявшая за ними тетка. — Вы уже закончили? Тогда освободите проход! Вы тут не одни.

Этот хамский окрик уберег от глупостей. Лиар вдруг понял, как нелепы будут любые попытки переспорить Раума на его территории.

— В "Трудис", — он усмехнулся и потянул Ани за собой к выходу из палатки. — Там еще осталось для тебя, если поторопишься — успеешь купить.

Они выскочили наружу, но Раум, разумеется, последовал за ними. Чтобы ди Форкалонен да отказался от подобного развлечения?

— А это та самая малышка, ради которой наследник ди Абезов променял Висарди на "Трудис"! Хорошенькая... — он одарил Ани наглым, откровенно раздевающим взглядом. — Как твое имя, детка?

Лиар оскалился, предчувствуя повторение сцены с Фуркасом. Короткий всплеск паники от Ани лишил его остатков самоконтроля.

— Отвали от нее, ди Форкалонен.

— Ого, какой ты грозный! — демон не слишком-то убедительно изобразил изумление. — Не узнаю тихоню-Валиара.

Лиар выдохнул сквозь зубы. Так, надо успокоиться. Раум — это не Фуркас, он не ищет драки. Просто развлекается. Если не вестись, отстанет.

— Чего ты хочешь, Раум? — холодно спросил он. — Поупражняться в остроумии? Здесь нет подходящей публики. Да, я ушел из дома. И да — у меня трудности с финансами. А теперь извини. У меня действительно мало времени, деньги сами себя не заработают.

Он потянул Ани за собой в сторону выхода из парка. Но избавиться от настырного родственника оказалось не так просто.

Раум догнал их и пошел рядом, бросая задумчивые взгляды. Лиар морщился и поневоле ускорял шаг. Присутствие более сильного демона рядом с Ани дико нервировало, заставляло ждать каждую секунду подвоха.

Ани (умничка какая) молча шла рядом. Не подавала голоса, не задавала лишних вопросов, не лезла. Но частые всплески страха в ее ауре заставляли психовать. Сжимать кулаки, примериваясь как бы засадить ди Форкалонену с левой.

— Подожди, не беги. Я просто хотел поговорить.

— О чем? — хмуро пропыхтел Лиар, не сбавляя шаг.

— Обо всем, — Раум неопределенно пожал плечами. — Мне интересно...

— Твои проблемы. Я не нанимался тебя развлекать.

— Я заплачу, — эти слова заставили Лиара споткнуться.

— Пятьдесят золотых, — радостно объявил Раум, почувствовав, что рыбка заглотила наживку.

— Оставь себе.

— Сто пятьдесят.

Лиар зашагал быстрее.

— Пятьсот. Эй, пятьсот империалов, ди Абез! Завтра на съемках тебе заплатят десятку серебром за день работы!

На мгновение дико захотелось согласиться. Даже если в автосалоне и дальше все будет отлично, ему придется вкалывать еще пять месяцев, чтобы получить эту сумму.

А тут пятьсот империалов за один короткий разговор.

Но Раум явно собирался поиздеваться. И согласившись терпеть унижение в обмен на деньги, Лиар уже никогда не сможет себя уважать.

Нет, демон слишком хорошо помнил, как совсем недавно они с ди Форкалоненом были на равных, чтобы сейчас легко принять подачку.

— Как, снова нет? Ну, это ты зря, кузен...

В красных глазах плясало восторженное совершенно детское любопытство. Примерно такое, с каким ребенок отрывает мухе крылышки и лапки.

— Ты ведь живешь здесь неподалеку? Интересно, Фуркас обрадуется, если узнает? Он буквально вчера жаловался, что ужасно соскучился по своему маленькому братику...

— Только посмей!

— Мне бы не хотелось, чтобы до этого доходило, — с насмешкой в голосе заметил Раум. — Но все зависит исключительно от тебя. Будешь пайнкой?

Лиар остановился так резко, что Ани споткнулась и упала бы, если бы он ее не подхватил.

— Ты мне угрожаешь?

Раум тоже остановился.

— А ты догадлив, малыш. Ну, что выберешь? Немного пообщаться со мной сейчас или чуть позже с милым братиком? Учти, что мамочки с папочкой больше нет рядом.

Ани вздрогнула. До Лиара докатился ее страх. Не за себя, за него. Он почувствовал прилив

здоровой холодной злости. Даже Ани не верит, что он способен справиться с Фуркасом! Никто в него не верит.

А он способен. И давно мечтает объяснить кузену, где он видел его и его претензии на понятном для Фуркаса языке.

Лиар сложил руки на груди и ухмыльнулся, невольно копируя выражение лица Раума.

— Я выбираю Фуркаса. Мне есть чего ему сказать.

В глазах ди Форкалонена промелькнуло и сразу исчезло изумление. Демон медленно достал постогограф.

— Смотри, я прямо сейчас ему напишу.

— Пиши, — ответил Лиар, морщась от удушливых волн паники, которые накатывали со стороны девушки. — Ани, иди домой.

— Но Лиар! — в ее голосе зазвучало отчаяние.

— Не бойся за меня, — он притянул ее к себе, поцеловал в лоб. — Все будет нормально, я с ним разберусь. Но мне будет легче, если не придется волноваться за тебя.

Раум все еще стоял с постогографом в руке и смотрел на них. Ухмылка сползла с лица демона, взгляд сделался пристальным и серьезным.

— Пиши, — жестко сказал Лиар. — Всем, кому ты там собирался.

— Ты действительно этого хочешь?

— Нет, — он с удовольствием бы отделал Фуркаса, мстя за годы детских издевательств и слезы Ани. Но Лиар знал, что он слишком слаб. Если и получится победить, победа уложит его на больничную койку на долгие недели. И вряд ли когда он почувствует себя лучше у него все еще будет работа. — Но я его не боюсь. И не позволю себя шантажировать.

Демон вдруг понял, что чувство легкой опаски, которое он всегда раньше испытывал в присутствии более сильных сверстников, исчезло без следа. Он охренительно изменился за то время, пока учился выживать среди людей. Вещи, которые раньше расстраивали, пугали, выбивали из равновесия, сейчас вдруг перестали иметь значения.

— А ты действительно изменился, нюня-Валиарчик, — пробормотал ди Форкалонен. — Ладно, не надо делать такое лицо, словно ты мечтаешь отрезать мне яйца. Клянусь, что ничего не скажу этому мелкому хорьку.

На мгновение стало почти обидно. Он уже настроился на драку.

— Тогда к чему все это было?

— Ну, я должен был попытаться, — на лице ди Форкалонена снова заиграла дурацкая раздражающая ухмылочка, и Лиар заподозрил, что против воли все же развлек этого гада. — Слушай, мне действительно интересно поговорить. Просто поговорить. Может все-таки позавтракаем вместе? Я угощаю.

Лиар уже открыл рот, чтобы отказаться. Открыл и закрыл. Потому что понял: он тоже не прочь поговорить с ди Форкалоненом. На равных, без страха и ожидания подлянки. Познакомиться ближе с этим новым ощущением спокойной силы, уверенности в себе рядом с другим демоном.

— Будешь глумиться — я встану и уйду, — предупредил Лиар. — Ани, жди меня дома. Вернусь примерно через час.

Она вцепилась в его ладонь с неожиданной силой.

— Лиар, не надо!

— Ну что ты трусишь, маленькая? — он успокаивающе погладил ее по щеке, коснулся губами губ в намеке на поцелуй. — Не волнуйся, со мной ничего не случится. Я просто поговорю с родственником.

— Ты уверен...

“Что ему можно доверять?” — прочел демон в ее широко распахнутых глазах.

— Уверен, — после некоторого колебания сказал Лиар.

Раум, при всей его склонности к жестоким шуткам не был такой паскудой, как Фуркас.

— Мы просто поговорим. Иди домой, не бойся за меня.

— Какая трогательная сцена, меня сейчас стошнит.

Но за сарказмом в голосе ди Форкалонена можно было расслышать неподдельную зависть.

***

Раум умел слушать. Не охал, не лез с идиотскими подколками, не изливал ненужную жалость. Просто сидел рядом, не сводя с собеседника пристального взгляда.

И Лиар расслабился. Оказывается, ему это было нужно — выговориться. Просто рассказать обо всем, что случилось за эти два месяца борьбы, отчаянных попыток встать на ноги. Рассказать кому-то равному, из прежней жизни. Тому, кто сможет понять, но не станет заваливать правочениями.

— Эта десятка монет за участие в массовке не так уж мне нужны. Просто Ани хотела посмотреть как снимают фильмы, — закончил Лиар, чувствуя приятное опустошение и облегчение. Как будто избавился от мешка камней за плечами.

— Ты совершенно долбанутый больной придурок, — беловолосый демон откинулся на спинку кресла и смерил его восхищенным взглядом. — Не ожидал такого от маменькиного Валиарчика.

— Хватит, — Лиар поморщился. — Мы встречались раза три. Ты ничего обо мне не знаешь.

Он и сам о себе многого не знал.

— Фуркас рассказывал, — со смешком пояснил Раум. — Я обычно не слушаю, что говорит этот хорек, но он так тебя расписал, что я уже успел представить себе мальчика-одуванчика. А потом ты появляешься у ди Небиросов в белой рубашечке, с зализанным пробором. Разве что скрипочки не хватало.

Лиар стиснул зубы. Он хорошо помнил тот прием — свой первый выход в свет. Помнил и насмешки, которыми его встретили ровесники.

— Но яйца у тебя определенно имеются, — задумчиво и даже с некоторым уважением продолжал беловолосый. — Мозги бы еще к ним. Променять все на какую-то девчонку...

Лиар пожал плечами.

— Я же сказал, что ты не поймешь.

— Не пойму, да. Она, конечно, милашка, — беловолосый выразительно облизнулся. — И такой букет эмоций... Но все равно. Она же выгорит через пару месяцев.

— Это еще неизвестно.

— Известно, — он усмехнулся. — Понимаю, почему ты не можешь от нее отказаться. Я бы тоже не смог. Любовь — наркотик посильнее “Огненной пыли”. Но конец этой истории знаем мы оба.

— Я бы не был так уверен.

— А какие варианты? Погоди... — тут он прищурился и пристально уставился на Лиара. — Ты на что-то рассчитываешь. На что?

— Я хочу найти деда, — признался Лиар. — Уверен, что он открыл способ жить с человечкой и не вредить ей. Иначе зачем ему было уходить из дома?

Раум снисходительно покачал головой.

— Нет никакого способа. Иначе все демоны давно жили с человечками. Единственное, что ты можешь сделать для своей малышки — это отпустить ее.

От сочувствия, прозвучавшего во всегда насмешливом голосе Лиар взбесился.

— Тебя не спросил, — он резко встал, бросил демонстративный взгляд на часы. — Мне пора. Ани будет волноваться.

— Можно подумать, тебя это всерьез волнует.

— Волнует.

Ди Форкалонен приподнял бровь и странно посмотрел на Лиара.

— О! Сожри меня дракон, а ведь ты действительно любишь эту крошку! Ну ты дура-а-ак.

— Спасибо за завтрак. Удачи, Раум.

— погоди! — демон швырнул на стол пять империалов и вскочил. — Может, еще как-нибудь встретимся? У меня вечеринка на следующей неделе.

Вечеринки ди Форкалонена считались самыми крутыми и престижными среди золотой молодежи Нью-Эбора. Когда-то Лиар очень хотел попасть на одну из них.

Мечты сбываются.

— Нет, спасибо, — он отказался без малейшего сожаления или злорадства. Просто тот этап жизни, когда все это было важным остался в прошлом. — Мне надо работать.

— Я могу подкинуть денег. Ты же знаешь: мне это ничего не стоит.

Что это? Попытка поиздеваться?

Лиар взгляделся в лицо ди Форкалонена и не увидел признаков насмешки.

— Нет, Раум, — после паузы ответил демон. — Спасибо, но нет. Я способен сам себя обеспечить.

ГЛАВА 8

Когда Чарльз вышел, Кари без сил рухнула на кровать. Ей хотелось заплакать.

Был момент, когда они стояли у двери и ей вдруг показалось, что сейчас он ее поцелует. Но нет. Похоже, она просто слишком хотела этого, вот и нафантазировала.

Все, пошло не так, как она представляла.

Уже ясно, что зря она надеялась — личная встреча не разрушила наваждение. Все стало только хуже, в тысячу раз хуже. Легко повторять себе, что ты очаровалась миражом, что в реальности ее пара — настырный избалованный мальчишка, каким запомнился ей по первым встречам.

Но вот он рядом. Спокойный, надежный, сдержанный мужчина. Невероятно привлекательный мужчина, и речь сейчас совсем не о внешности, которую Кари все равно никогда не увидит.

Чарльз привлекает другим. Силой. Уверенностью. Удивительной мужской харизмой.

Сможет ли она теперь забыть его? Даже если приложит все усилия?

Или все же поступиться гордостью, сделать первый шаг? А если Чарльз охладел к ней? Если захочет взять реванш за месяцы преследований, когда она отвергала его, за год писем без ответа.

Больше всего будет, если он скажет, что любит другую.

Он представила его смущение. Неловкие паузы, когда он объясняет ей, что она зря напридумывала себе лишнего, и слезы сами брызнули из глаз.

Нет! Что угодно, лишь бы не пройти через подобное!

По законам волков помолвку с истинной парой невозможно расторгнуть. Но остальным расам

плевать на заморочки оборотней. Чарльз легко может жениться на человечке, сильфе или ундине и никто ему слова не скажет. Вон, Дженнифер, лучшая подруга Кари, вышла замуж за демона.

Хотя нет. Дженни не самый удачный пример.

“Все это слишком сложно. Я подумаю про это завтра!” — сказала себе Кари. И отправилась в душ.

После горячего душа, ее потянуло в сон. Кари всегда плохо высыпалась в поездах и последняя поездка не стала исключением. Решив пожертвовать ужином, она проинструментировала Бриджит и нырнула под одеяло.

Ее разбудило неприятное покалывание. Кари открыла глаза и охнула. Комнату пронизывали потоки энергии. Магические разряды ветвились от окна, отталкивались от стен, сплетались в причудливом орнаменте и осыпались блестящими искрами. Кожа снова горела от переизбытка силы, а во рту ощущался кислый привкус.

Это что — учения?

Она нащупала часы на руке, откинула защитное стекло. Пальцы скользнули по стрелкам — два часа ночи. Поздновато для учений.

Кари встала, зашипев от холода, когда ноги коснулись пола. После теплого одеяла доски показались ей ледяными. Подошла к окну — пульсация магических потоков на улице ощущалась так явно, что сейчас волчица нашла бы его и без метки. Выглянула и замерла.

На улице кипели джунгли.

Сотни искрящихся, вспыхивающих бабочек танцевали в воздухе. Распускались огненные цветы, змеились горящие люминесцентной зеленью лианы. Сотканые из ожившего эфира, в вихрях и вспышках радужного потока энергии, сторали и возрождались, снова и снова.

Она никогда не видела ничего подобного. Магия словно сошла с ума.

— Что происходит? — беспомощно спросила Кари, остро жалея, что сейчас рядом с ней нет тетки Ванды. Опытная шаманка, она смогла бы объяснить смысл этого явления своей непутевой племяннице.

В любом случае она должна изучить и зафиксировать все как можно тщательнее, чтобы потом рассказать Алану.

С трудом оторвавшись от окна Кари спешно оделась. Волосы заплетать не стала, только стянула лентой. Набросила пальто и скользнула в коридор.

Не сразу заметила контур маячка на двери, а когда задела уже стало поздно, но сигнализация не включилась. Никто не появился, чтобы поинтересоваться куда госпожа ученая собралась глубокой ночью. Кари спустилась по ступенькам, прошла по дорожке и остановилась, не решаясь сделать шаг и окунуться в безумную пляску энергии.

Вблизи это буйство стихии уже не походило на что-то живое. Просто магия. Дикая, неприрученная — Кари никогда не видела столько магии в свободном состоянии. Станный звук над головой, похожий на пение сверчков, перемежающееся противным громким писком, заставил ее поднять лицо к небесам.

— О Богиня, — потрясенно пробормотала волчица. — Это еще что за штука?!

***

Остаток дня Чарли провел бездарно, занимаясь ерундой. Все сыпалось из рук, мысли упорно возвращались к пустующему крылу офицерских казарм, где разместили прибывших гостей. К дальней комнате по коридору и ее синеглазой обитательнице.

Оборотень снова и снова прокручивал в голове их разговор. И все больше чувствовал себя идиотом. Влюбленным и неловким мальчишкой. Спокойная уверенность в себе, ставшая его спутницей в последние годы, вдруг дала трещину, и Чарли впервые осознал, что его план — туфта. Деньги, звания, слава героя, все эти призрачные баллы, заработанные в социальной гонке за достижениями не помогут, если он просто не нужен своей невесте.

Волк внутри метался и скалился, не желая признавать условностей. Требовал пойти к ней и назвать своей.

Чистое самоубийство. Кари не терпит принуждения и навязчивых мужчин.

Хотелось увидеть ее, почти до боли, и Чарли поминутно поглядывал на часы, считая мгновения до ужина. Но на ужин она так и не пришла.

— Госпожа Маккуин очень устала с дороги и просила ее не будить, — с очаровательной улыбкой пояснила секретарша. — Ей что-нибудь передать?

— Нет, ничего.

Смотреть на еду было тошно, и он ушел из столовой проверять посты. И сам не заметил, как оказался у офицерского корпуса. Постоял под заветной дверью и оставил простейший маячок. Если Кари решится покинуть свое жилище, он будет знать об этом.

Совесть вяло шевельнулась, протестуя — мол, так нельзя. А как же доверие, свобода? Но Чарли удачно заглушил ее голос, напомнив себе, что девушка не видит, а на базе полно опасного магического оружия. Да и порталы, бывает, раскрываются совсем рядом. Мало ли что может случиться?

Правильно сделал, как оказалось. Сигналка сработала ночью, когда он, отчаявшись заснуть, изучал объяснительную интенданта по поводу пропавших со склада двух тонн муки и десяти бочек сала.

Мгновенно забыв и про муку, и про сало Чарли схватил шинель и выскочил на улицу, кляня себя за то, что не догадался повесить следящие чары на саму девушку. Где теперь ее искать?

Но искать не потребовалось.

Она стояла на краю плаца и зачарованно смотрела на небо. Словно тоже видела пламенеющий высоко над землей зеленый огонь. Снежинки медленно опускались на волосы, оседали на шерстинках мехового воротника. Красивая и недоступная, как огни северного сияния. Чужая. Его.

Лучший момент для того чтобы объясниться. Рассказать, что он думал о ней все эти три года, что жил воспоминаниями о ней.

Только бы не наделать ошибок. Не оттолкнуть ее снова. Третьего шанса уже не будет.

Чарли, сглотнул и шагнул к ней.

ГЛАВА 9

Вибрация постогоrafa вырвала Кари из сладкого утреннего сна. Всего на полчаса раньше будильника, но, учитывая во сколько она легла, эти полчаса определенно были нелишними.

Потратив минут десять на безуспешные попытки снова уснуть, Кари вскочила и принялась одеваться.

Три шага до стула, на котором лежит подготовленная с вечера одежда. Миссис Дэвидсон говорила, что это платье “синее” и что оно “идет” Кари, но для девушки куда важнее были удобные пуговички, которые легко можно застегнуть без посторонней помощи, и мимолетное удовольствие от прикосновений мягкой ткани к обнаженной коже.

Два шага вперед к туалетному столику. Кари привычно провела щеткой по коротким, почти как у мужчины, волосам. Собрала их в хвостик и прикрепила шиньон в виде косы на затылке.

Волосы она остригла в день шестнадцатилетия. Отправилась в город с братьями, а там, избавившись от мальчишек под каким-то надуманным предлогом, зашла в цирюльню и попросила обрезать свое каштановое богатство.

Надоело.

Мама, когда увидела, ругалась и охала, а потом велела сделать из срезанных волос косу на заколке. И оказалась права. Даже в большом городе девушка с подобной стрижкой слишком бросалась в глаза, а Кари привлекать внимание не любила.

Теперь влево, к двери, за которой начинается узкая лестница. Прихватив постограф, девушка спустилась на первый этаж, откуда по всему дому уже расплывался заманчивый аромат свежих булочек.

— Доброе утро, милая, — приветствовала ее квартирная хозяйка.

— Доброе, — с некоторым сомнением согласилась Кари. — Миссис Дэвидсон, мне пришло сообщение. Не могли бы вы его прочесть?

— Конечно, — женщина приняла из ее рук постограф. На мгновение стало тихо, а потом хозяйка охнула. — Ох, деточка, поздравляю! Родители нашли тебе жениха.

— Жениха?

В первую минуту Кари не поверила. А во вторую ужасно разозлилась.

— Какого еще жениха? — спросила она, даже не пытаясь сделать вид, что новость ее обрадовала. — Миссис Дэвидсон, прочтите, пожалуйста, письмо вслух!

— Разумеется, дорогая, — хозяйка откашлялась. — Здравствуй, мой волчонок. Давно не было от тебя писем, надеюсь все хорошо? У нас множество приятных новостей, но перейду сразу к главной: тетюшка Ванда нашла тебе жениха...

Ах, вот кого следует поблагодарить за “подарочек”!

— Чарльз — старший сын главы клана Маккензи — умный и воспитанный мальчик. Здоров, хорош собой. Конрад провел с ним выходные и отзывался о нем, как о достойном молодом человеке. Мы все уверены, что Чарли станет для тебя прекрасным мужем. Кроме того, он не является наследником клана, а значит тебе нет нужды покидать родной дом и переезжать в чужую семью.

— Ну да, кто бы сомневался, — пробормотала Кари.

— Что?

— Ничего. Читайте дальше, миссис Дэвидсон.

— Отец уже дал предварительное согласие от твоего имени, осталось только официально заключить помолвку. Лучшее время для этого будет на следующей неделе. Твоя сестра собирается навестить нас вместе с мужем, а значит вся семья будет в сборе. Чарли уже обещал приехать, ждем только вас с Брайаном, волчонок. Любящая тебя мама, — миссис Дэвидсон окончила чтение и шумно высморкалась. — Чудесная новость. Ах, я так счастлива за тебя, милая!

— Чудесная... — девушка скривилась.

— Ты не рада, деточка? — в голосе женщины послышалась растерянность. Должно быть, в ее представлении только что посватанная невеста должна была вести себя как-то иначе. Например, прыгать и бить в ладоши. — Он тебе не нравится?

— Не знаю. Я его никогда не видела, — на этих словах она усмехнулась.

— Ах, милая. Я уверена, что твои родители устроили для тебя прекрасную партию!

— Не сомневаюсь.

— А если молодой человек из хорошего рода, красив, здоров и воспитан, то чего еще желать? Тем более, ты уж только не обижайся, милая, но с твоим недугом...

Да, мама бы сказала то же самое. Сколько Кари помнила, она всегда носилась с ней, как с тухлым яйцом. В детстве это страшно злило. Кажется, именно назло маме она научилась одеваться и завязывать шнурки самостоятельно чуть ли не раньше ровесниц. Чтобы доказать, что она не хуже других, а значит не нуждается в особом отношении.

Не сказать чтобы это помогло. Как не помогало потом и все остальное. Что бы Кари ни делала ей так и не удалось убедить маму, что она способна сама о себе позаботиться.

Последние три года мама носилась с идеей, что Кари непременно надо выдать замуж. За ответственного и положительного оборотня, который сможет сдувать с нее пылинки —

одевать, расчесывать, водить за ручку по родному поселку, где Кари знала каждый камень, и кормить с ложечки — сама-то она, разумеется, неспособна справиться со столь ответственным занятием.

— Ах, моя Кари такая беспомощная! — восклицала она, обрабатывая очередного кандидата в зятя. — Ей нужен мужчина, который способен о ней позаботиться!

К счастью для Кари, будущие мужья, осознав всю степень предлагаемой ответственности и проникнувшись страстным напором гипотетической тещи, неизменно сбежали.

История с неудачными смотринами повторилась не один, и не два раза до того, как мама согласилась отпустить “своего волчонка Кари” в Нью-Эбор, где старший брат грыз гранит магической науки. Согласилась в обмен на обещание присмотреться к учащимся в академии волкам и выбрать себе среди них мужа.

Кари, разумеется, обещала. И даже честно посещала раз в неделю скучные тематические вечера, где законченные неудачники, неспособные найти себе девушку самостоятельно, общались с такими же неудачницами. Неприятно, но свобода и право посещать академию (пусть даже в статусе вольнослушателя) стоит и не таких жертв.

За полтора года свободы, учебы и интереснейшей работы с Аланом она расслабилась. И зря, как оказалось...

— Что, мелкая, попалась?! Окольцевали?

Запах булочек с ванилью забивал все, поэтому о присутствии старшего брата Кари узнала только когда он подал голос.

— Еще нет, — с кислой улыбкой ответила она. — Но мама нашла мне пару для вязки. Дружелюбен, привит и с хорошей родословной.

— Кари! — шокировано воскликнула миссис Дэвидсон. — Девочка, как ты можешь так выражаться?!

— Угу, я получил приглашение, — скрипнул табурет. Брат плюхнулся рядом и тут же утащил с блюда булочку. — М-м-м, ижумительно, миффис Дэвидсон, — неразборчиво пробормотал он.

— Опять ты кушаешь всухомятку. Это же вредно! — огорченно вздохнула квартирная хозяйка. — Кари, милая, а ты почему ничего не ешь?

— Простите, совершенно нет аппетита.

— Вся в мечтах о женишке, — хохотнул Брайан, расправляясь со второй булочкой.

Определенно, старшие братья существуют в этом мире для того, чтобы портить сестрам жизнь.

***

— Прости, сестренка, но на твоей помолвке меня не будет. Завал по учебе, — объявил Брайан позже, когда они стояли на остановке в ожидании автобуса до академии.

Не сказать, что Кари расстроилась. Дурных шуточек от великовозрастного балбеса ей хватало и здесь.

— Если она еще будет, эта помолвка... Чарльз Маккензи. Слышал что-нибудь про него?

— Вроде да, — брат задумался. — Учится на третьем курсе. Могу поспрашивать у ребят.

— Он учится на третьем курсе в Аусвейле, я посещаю лекции, как вольнослушатель, но знакомиться мы едем в Маррейстоун?! — Кари саркастично фыркнула. — Узнаю маму.

Брат гнусно захихикал.

— Это чтоб жених не осознал раньше времени какое счастье ему привалило. А то ведь откажется и свадьбы не будет.

— То есть я, по твоему мнению, отказаться не могу?

— А куда ты денешься? — в голосе брата послышались снисходительные нотки, которые ее

всегда раздражали. — За Алана своего, что ли, выйдешь?

— За Алана?! — Кари представила себе это и вздрогнула. — Ни за что!

Следить поел ли он вовремя, сколько недель носит одну и ту же рубашку, чистил ли зубы, разбирать и приводить в порядок его бесконечные бумажки, выгребать за ним тонны мусора, постоянно вытирать сопли и подбадривать словами. Нет, жена гения — особое призвание, а Кари не готова всю жизнь быть нянькой.

Кроме того, Алан совершенно не привлекает ее как мужчина.

— Ну вот я и говорю: куда ты денешься. Выйдешь за этого Маккензи, как миленькая или мама выест тебе весь мозг серебряной ложечкой!

— Вот еще! — фыркнула Кари. — Я лучше сбегу. Перекрашу волосы, сяду на поезд и рвану на другой конец страны. Буду там прятаться, пока мама не передумает.

***

Кари любила лабораторию при кафедре связи. Гул магического преобразователя и легкий запах озона в воздухе действовали на нее успокаивающе.

Но сегодня преобразователь молчал.

— Лорд-протектор подписал назначения на гранты, — огорошил ее Алан с порога. — “Музыки сфер” нет в списках.

Внутри что-то оборвалось. Они так рассчитывали на эти деньги. От успеха их отделяло буквально полшага, до революционного открытия оставались даже не месяцы — дни. В теоретической части проект был безупречен, но собранный на его основе прототип неизменно выдавал вместо голоса шумы и хрипы, сквозь которые лишь иногда прорывались обрывки слов.

— А я говорила, что название дурацкое, — Кари вздохнула. — Никто не выделит деньги на проект, который называется, как сборник псалмов.

— И научный руководитель потребовал освободить лабораторию. Так и сказал: или я прекращаю заниматься ерундой и пишу диплом, или вылетаю с места ассистента, — еще более унылым голосом продолжил Алан.

— Похоже, сегодня День Скверных Новостей. Я бы на твоём месте не покидала помещения. Не давай неприятностям шанса.

— Поздно. И знаешь, что самое смешное? Я все-таки нашел! Понял, где мы ошибались!

— А это уже хорошая новость.

— Мы брали не те кристаллы! — как всегда, когда Алан начинал говорить о работе, в его голосе зазвучал кипучий энтузиазм бескорыстно влюбленного в свое дело ученого. — Понимаешь?! Горный хрусталь не подходит! Тригональная сингония — не та структура решетки!

— А что подходит?

— Бриллианты, — мечтательно произнес Алан. — Для идеальной работы нужны бриллианты. Я почти уверен...

Кари присвистнула. Если для общения на расстоянии необходимы бриллианты, магифон навсегда останется игрушкой для богатеев.

— Почти или уверен? — уточнила она, прикидывая, где бы взять денег на два бриллианта размером с перепелиное яйцо каждый. По всему получалось, что нигде. Даже если папа сойдет с ума и позволит ей опустошить счета клана...

— Уверен, — поколебавшись, сообщил ей Алан. — Но я понятия не имею, где его взять.

— Я тоже, — она ошупала табурет, убедилась, что на нем не лежат какие-нибудь бумаги, обрезки проволоки или бутерброд и все же рискнула сесть. — И раз уж сегодня День Скверных Новостей, давай я порадую тебя своими. Родители твердо намерены выдать меня замуж.

Разумеется, известие Алана не обрадовала. Оно его даже откровенно возмутило. Как любой гений, О'Райли был сконцентрирован прежде всего на себе и своих потребностях. Кари была нужна ему, как жилетка, источник здравых советов, друг. Но главное — как точнейший измерительный прибор. Ее особое виденье магии было почти незаменимо в калибровке и отладке их совместного детища.

Да, Кари плохо разбиралась в фундаментальной теории, имела самые посредственные представления об энергетической подоплеке тех или иных процессов. Зато она чувствовала магию, как рыба чувствует глубоководные течения. Слышала, различая мельчайшие оттенки созвучий яснее, чем кошачье ухо различает в ночной тишине далекий топот мышинных лапок.

Магия была для Кари торжественным хоралом, волшебной бесконечно сложной симфонией. Ощущалась натянутыми струнами под пальцами, готовыми отозваться дрожью на легчайшее прикосновение.

“Специфика чувственного опыта, — говорил домашний врач Маккуинов. — Большинство видит магию световыми потокам и полями”.

Но не Кари, для которой слова “синий” и “красный”, “свет” и “тьма”, “линия” и “круг” были одинаково лишены смысла. В темноте, окружавшей ее с рождения, существовали лишь звуки, запахи и прикосновения. И магия звучала в этой тьме восторженными и яростными аккордами.

Да, может, Кари ничего не понимала в теории, сложных построениях, вычислениях, графиках. Зато она на слух различала малейший диссонанс в заклятиях. А еще интуитивно умела настраивать пронизывающие вселенную незримые струны.

Можно сказать, что они с Аланом нашли друг друга.

— И ты поедешь? — обиженно спросил Алан.

— Придется. Надо хоть пообщаться с этим Маккензи.

— Хочешь за него замуж? — голос у приятеля зазвучал совсем обреченно.

— Я вообще не хочу замуж. На за Маккензи, ни за кого другого.

— Почему?

— Хочу выучиться. Достичь чего-то, — Кари фыркнула. — Похоронить себя в горах с детьми и кучей пеленок я всегда успею.

— Тогда почему ты едешь?

— Чтобы найти достойную причину для отказа, — она лукаво улыбнулась. — Родители не поймут, если я скажу “нет”, даже не взглянув на жениха.

ГЛАВА 10

Фильм был скучным. Актриса-человечка с густо выбеленным лицом и подведенными черной тушью глазами картинно страдала, пытаясь выбрать между двумя своими возлюбленными — мрачным вампиром (разумеется, его тоже играл человек, с криво приклеенными клыками) и мускулистым оборотнем (принадлежность к расе символизировали заросшие шерстью уши). Мужчины хмурились и метали друг в друга гневные взгляды под бравурную и пафосную музыку. В конце появился демон и нагло увел девицу у двух слишком увлекшихся противостоянием соперников.

Типичный сюжет для подобных лент. Синематограф считался развлечением — низким, второсортным. Основными потребителями синема были люди, поэтому и сценарии для них писались соответствующие.

Наблюдая за ужимками и гримасами актеров, Дженни с Чарли покатывались со смеху на заднем ряду. Иногда оборотень склонялся к ее уху и шепотом комментировал происходящее. Дыхание обжигало кожу, и девушка на миг замирала, не понимая смысла слов, просто вслушиваясь в горячий шепот.

Свидание! У Дженни самое настоящее свидание с парнем ее мечты!

Нет, они бывало и раньше ходили вместе в синема. Как друзья. Но в этот раз Чарли заплатил за ее билет. То есть: он пригласил ее не как друга, а как девушку, а это совсем другое.

Ну разве не чудо?

Фильм закончился, но чудеса продолжились. Они с Чарли вышли из душного кинотеатра и шагнули в теплый осенний вечер. Прошлись по улице небогатого, но вполне респектабельного района Нью-Эбора, под желтыми пятнами фонарей. Из открытых окон кафе через дорогу доносились томные звуки джаза.

— Зайдем в пиццерию?

Дженни вспыхнула от счастья и кивнула.

Потом они пили содовую, ели пиццу и болтали. Обсуждали сначала фильм, потом учебу.

— У меня есть два билета на концерт “Нежных упырей”.

— Серьезно? — изумилась Дженни.

“Нежные упыри” — культовая бойз-бэнд десятилетия, была знаменита восхитительными рокабилли ритмами, чарующим вокалом солистов и самым дурацким названием в мире. Собственно, именно упырей (точнее, вампиров) в ней не было — дети ночи считали ниже своего достоинства кривляться на сцене на потеху толпе. Были два брата оборотня — перевертыши в барсов — клавиши и гитара, тролль-ударник, саксафонист-джинн и даже человек с бас-гитарой.

Распались “Упыри” почти год назад, разбив сердца миллионов фанаток. И вот недавно в прессе прогремела новость о триумфальном воссоединении коллектива. Все истинные поклонники (а Дженни причисляла себя именно к таковым) посчитали своим долгом посетить это мероприятие, цены на билеты у перекупщиков приближались к космическим, но и те достать было нереально.

И вот оказывается у Чарли есть аж два билета.

— Откуда?! Как?!

Он поморщился.

— Выиграл в карты.

— Ты опять играл?

— Нет, — он нахмурился и на лице отобразилась обида. — Как ты могла такое подумать?! Я больше никогда не сяду за стол.

Девушка смущенно улыбнулась.

— Извини.

Действительно, как она могла заподозрить Чарли в чем-то подобном!

Оборотень выложил на стол два картонных прямоугольника с золотым тиснением.

— Вот. Выиграл почти две недели назад. Совсем забыл про них. Думал продать за день перед концертом, когда цены взлетят. .

— Разумно, — согласилась Дженни. И жадно покосилась на билеты, испытывая невыносимое желание схватить и утащить.

Ну как можно продать билеты на концерт “Нежных упырей”?! Это же... они же... Они такие!

— Но в итоге решил отдать тебе, — небрежно продолжил Чарли.

Дженни восторженно взвизгнула и бросилась ему на шею. Чмокнула в щеку и тут же залилась краской и отползла обратно на свое место.

Как-то это неправильно — вешаться на парня. Особенно если этот парень тебе ну очень

нравится, и так и хочется на него повесится.

Чарли, впрочем, совершенно не выглядел недовольным таким проявлением благодарности. Скорее наоборот.

— Спасибо! — прочувствованно пробормотала девушка, убирая подарок. — Ты пойдешь со мной?

У мужчин “упыри” вызывали неконтролируемую злобу. Слушая желчные, полные яда комментарии, Дженни всегда удивлялась — откуда такая ненависть? Слово само существование этих красивых как с картинки, талантливых мальчиков оскорбляло любого представителя сильного пола.

Чарли в этом отношении отличался от ровесников. Да, он тоже был равнодушен и к текстам “упырей”, и к волшебным голосам солистов-оборотней. Но Дженни ни разу не слышала от него уничижительных и гадких слов в адрес своих кумиров.

— Конечно, если пригласишь.

От его улыбки Дженни почувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

— Приглашу, — прошептала она, убирая подарок.

— Повезло, что ди Форкалонен не взял их.

— Что?! — от упоминания демона она вздрогнула и чуть не пролила колу.

— В качестве ставки. Сказал: “Я что — похож на визжащую тринадцатилетнюю нимфетку с мокрыми трусиками? ”, — оборотень очень похоже изобразил интонации Раума, его манеру растягивать слова.

Легко на помине! Стоило упомянуть наследника ди Форкалонена, как тот возник на пороге кафе. Взгляд демона обежал зал и остановился на Дженни.

— О не-е-ет! — простонала она.

Вечер же так чудесно начинался! Вот надо было явиться Рауму, чтобы все испортить!

В том, что демон пришел именно для этого девушка ни секунды не сомневалась.

На мгновение воспоминание о вчерашней дико непристойной игре заставили ее щеки полыхнуть румянцем. А потом Дженни до смерти испугалась, что Раум расскажет Чарли, чем именно она заплатила за долговые расписки. И это сейчас, когда он впервые обратил на нее внимание после стольких лет безнадежного ожидания!

“Если он сделает это, я умру! Просто умру! ”, — твердила девушка, затравленно наблюдая, как Раум пересекает зал. Чарли проследил за ее взглядом и тоже резко стушевался, оборвав свою речь на середине.

— Доброй ночи, детка, — поприветствовал ее Раум голосом до того вкрадчивым и приторным, что аж во рту сладко стало. — Я проезжал мимо и увидел тебя в окне. Решил зайти поздороваться.

И не дожидаясь приглашения, сел на свободный стул и завладел последним куском пиццы.

Дженни набычилась, чувствуя, как страх и смущение уступают место ярости. Этот мерзкий, наглый, отвратительный демон! Да что он себе позволяет!

— Вообще-то тебя не звали, — зло выговорила она, четко артикулируя каждую букву.

— Меня это совершенно не беспокоит, сладенькая, — безмятежно заверил ее демон.

Девушка бросила просительный взгляд на Чарли. По-хорошему именно мужчина должен был выгонять незваного гостя из-за стола. Оборотень смущенно кашлянул.

— Послушай, Раум...

— А, привет, малыш Чарли, — с таким видом, словно только его заметил, отозвался ди Форкалонен.

— Тебе не кажется, что твое присутствие здесь неуместно?

— Отнюдь. Я так понял, у вас тут сценка: “Спасенный юноша благодарит героическую деву, освободившую его от злобного демона”. Ну и подумал: без злобного демона не получится кворума.

— Обойдемся, — нелюбезно буркнула девушка. — Вали отсюда, гов... — она осеклась, заметив косой взгляд Чарли. Вспомнилось, как в прошлом году на его дне рождения Чарли рассуждал, что ужаснее сквернословящей девушки только девушка, которая курит. Дженни еще тогда порадовалась, что не курит и зареклась, что никогда даже попробовать не станет...

А вот ругалась она частенько, был грешок. И оборотню никогда это не нравилось, в детстве он обещал рот с мылом ей вымыть, если будет при нем выражаться.

Так что вместо оскорбления она просто прожгла демона уничижительным взглядом, мысленно обещая оскальпировать его по примеру давних степных предков, если он не уберет немедленно свою задницу из пиццерии.

— Уйду, детка. Считай, меня здесь уже нет, — демон похабно подмигнул Чарли. — Ты уж постарайся как следует ночью отработать свое спасение, Маккензи. Надеюсь, девушка останется довольна.

Это уже тянуло на прямое оскорбление, и Чарли вскочил, сжимая кулаки.

— Ты что себе позволяешь?!

На мгновение Дженни удивилась: почему он медлит? Почему просто не даст Рауму в морду? Чарли никогда не был трусом.

А потом вдруг вспомнила, что подобный удар от оборотня мог расцениваться демоном, как вызов на дуэль, и заледенела, мысленно умоляя парня не делать глупости. Потому что настоящая дуэль проходит в истинном облике, и никакой оборотень не выстоит против демона дольше пяти минут. Раум может порвать Чарли просто на кровавые клочки, а ему за это ничего не будет!

Раум прожевал пиццу, беззастенчиво отхлебнул из стакана оборотня и рассмеялся.

— Шутка! Кстати, — это он произнес уже обращаясь к Дженни. — У меня для тебя кое-что есть, детка.

С этими словами он положил на стол сверток. Дженни взяла его под подозрительным взглядом Чарли, ощущая непреодолимое желание стукнуть этим самым свертком демона по голове.

К сожалению, она догадывалась, что внутри. А на новый постограф копить минимум три месяца.

— Она так торопилась сегодня покинуть мою машину, что забыла кое-что, — пояснил, словно между делом Раум для оборотня. — Почти как в сказке. Ну, той, про туфельку.

Дженни вздрогнула и умоляюще уставилась на Чарли.

— Это не то... не то, что ты думаешь, — пробормотала она, густо заливаясь краской.

Что бы он ни подумал, реальность куда непригляднее и безнравственней.

— Да я ничего и не думаю, — оборотень отвел глаза и тоже отчего-то покраснел.

— Это твое обычное состояние, малыш Чарли, — сладким голосом пропел демон.

— Ну все, с меня хватит! — Дженни тоже вскочила, чувствуя, что еще миг и съездит ему по лицу. — Если ты не хочешь уходить, уйдем мы. Пошли, Чарли!

Он все-таки испортил ей свидание! Сволочь! Мелкая, мстительная сволочь.

Вслед ей полетело вкрадчивое: “До скорой встречи, Дженни-колючка. ”, и девушка не удержала. Обернулась и пожелала, пристально глядя в бесстыжие красные глаза.

— Чтоб ты сдох, говнюк.

***

Встреча действительно получилась куда более скорой, чем девушке бы того хотелось. Раума она увидела уже на следующий день, когда шла по дорожке от учебного корпуса к малому испытательному полигону, где у всех группы намечались практические занятия. Демон выглянул из-за дерева и заступил ей дорогу.

— Привет, сладенькая.

Одет в своем обычном стиле — с закосом под гангстера. Не в скучный серый костюм, как одевались настоящие гангстеры, которых уже лет тридцать, как стараниями имперской службы безопасности пересажали или казнили. Скорее подобный наряд можно было видеть на актерах, изображавшие их в синематографе или театре. Черные брюки в крупную белую полосу, жилет в тон брюкам и лимонно-желтая рубашка. На ком-то другом это смотрелось бы ужасно — клоунские шмотки. А ди Форкалонен выглядел стильно, словно сошел с картинки журнала мужской моды. Как ему это удается?

— Отвали от меня, придурок, — буркнула Дженни, пытаясь обойти его.

Он издал смешок.

— Почему ты такая грубая? Неужели не учили, как должна себя вести воспитанная девушка?

— Учили...

Джени остановилась. Огляделась по сторонам — нет ли кого рядом? А потом повернулась к беловолосому и вывалила на него отборнейшую многоэтажную конструкцию, подробно разъяснив где, в каких позах и с какими предметами видела его и всех его родных.

Аж на душе полегчало! Мечтала об этом с первой встречи.

Одно обидно — вместо того, чтобы взбеситься или оскорбиться демон от души расхохотался. На его красивом породистом лице не было и следа злости, только веселое изумление, и, кажется, даже одобрение. Словно грязнейшая брань совершенно его не задела и не оскорбила.

От этого стало паскудно. Как если бы она хотела облить демона помоями, но не удержала тяжелый таз и опрокинула все на себя. Действительно захотелось помыть язык с мылом.

— Чего тебе надо? — спросила она устало, понимая, что прогнать демона не удастся, да и сам он не отстанет. — Я выполнила свою часть сделки, ты свою. Зачем ты меня преследуешь?

— Преследую? — он картинно изумился. — Детка, я просто шел по своим делам, увидел тебя, решил поздороваться и узнать, как вчера прошло награждение героической девы.

Девушка поморщилась, словно глотнула укуса по ошибке.

Ужасно прошло. Всю обратную дорогу Чарли молчал и так старательно отводил от нее взгляд, что ей захотелось посмотреть в зеркало и проверить не выскочили ли на носу прыщи. Уже когда такси высадило их у ворот Аусвейла и уехало, Дженни решила.

— Ты неправильно понял. Между нами нечего не было.

“Угу, — послушно согласился ехидный внутренний голос. — Этот ублюдочный демон всего лишь видел меня голый, облапил везде где только можно и довел до оргазма. Ах да, а потом его придурочные дружки весь вечер играли на мне в карты. А так — совершенно ничего.”

— Не надо, Дженни, — грустно ответил оборотень. — Это ваши дела. Я не хочу знать о них.

Она сама не поняла почему почувствовала такую обиду после этих слов, будто Чарли предал ее и отрекся, поэтому сухо попрощалась и бегом направилась к своему корпусу. А потом почти час плакала в подушку прежде чем уснуть.

А ведь Раум скорее всего знал, что так и будет. Для этого и заявился, для этого и сидел в пиццерии, доводя Чарли до бешенства своими насмешками.

— Богиня, как же можно быть таким куском дерьма, как ты? — с тоской спросила девушка. — Тебе самому не противно рядом с собой?

— Бывает иногда, — согласился Раум с лукавой улыбкой. — Но потом я оглядываюсь по сторонам, и вижу, что мир по большей части состоит из моральных уродов или ничтожеств, вроде твоего Чарли, и попускает.

Обалдевшая было от такого признания Дженни, мгновенно снова взвилась от ярости, услышав с каким презрением демон произнес имя ее любимого.

— Заткнись! Ты не стоишь его мизинца!

— Да ну?! — его глаза опасно блеснули. Демон сделал шаг вперед, и Дженни попятилась, вдруг ощутив неуверенность и страх. — Что, малыш Маккензи так хорош? Может, сравнишь сначала? Помнится, в ванной тебе все понравилось...

— Не хочу сравнивать! Ты омерзителен! — с отвращением выговорила Дженни. — Даже будь ты последним парнем на земле, я не подошла бы к тебе ближе, чем на сто шагов.

Он снова шагнул, и Дженни снова попятилась, ощущая все большую панику. Что ему нужно? Зачем он так смотрит?

Не отрывая испуганного взгляда от демона она сделала пять шагов назад и ойкнула, наткнувшись спиной на ствол дерева.

Бежать! Но куда? Справа и слева колючий кустарник, за спиной ствол дуба. Далеко не убежать, демон догонит в два счета. Кричать? Здесь никого нет, а даже если кто и придет на помощь, что она скажет? Сын лорда-протектора странно смотрел на меня?

— Не подходи! — голос сорвался на писк.

Демон ухмыльнулся, и вдвое сократил и без того невеликую дистанцию.

Была не была! Дженни рванулась вперед, надеясь проскочить мимо демона и выбежать на дорожку, но в последнюю минуту Раум перехватил ее. Поймал и прижал к себе. Она взвизгнула и замолотила кулаками по его плечам. Так нечестно! Он слишком высокий, слишком сильный, ему даже не нужно принимать истинный облик, чтобы справиться с ней...

— Маленькая лгунья, — нежно прошептал демон. И поцеловал Дженни.

Наверное, она не этого ожидала. Думала, он будет снова пытаться облапить. Или еще чего похуже.

Его губы были одновременно настойчивыми и мягкими. Нежные, неторопливые, изучающие. Дразнящие прикосновения языка возбуждали, и Дженни вдруг поняла, что отвечает.

В голове зашумело, по телу мгновенно растекалась слабость, словно Раум выпил из Дженни весь гнев. Она покачнулась и оперлась на демона, чувствуя, как стальной захват превращается в поддерживающие объятия. Он сжал девушку крепче и углубил поцелуй, делая его жарче, бесстыднее. Слабость сменилась возбуждением, и теперь Дженни уже сама прильнула теснее к Рауму, чувствуя, как в теле разгорается знакомый пожар. Рука демона скользнула вниз по спине, опустилась на попку и стиснула ягодицу сквозь ткань платья.

Это слишком фривольное прикосновение привело ее в чувство. Дженни всхлипнула и отпрянула, разрывая объятия. Раум мог бы удержать ее, но не стал этого делать. На его лице сияло довольное и шкодливое выражение, как у кота, сожравшего втихаря крынку сметаны, а глаза сияли.

— Значит, — промурлыкал он, — не ближе, чем на сто шагов? Да, Дженни-сама-честность?

Она демонстративно сплюнула и вытерла губы краем рукава.

— Это только, чтобы ты отвязался, скотина.

Раум знал, что она лгала. Не мог не знать, он был демонски проницателен, словно умел читать мысли Дженни. Но на мгновение его лицо все же исказила гримаса, губы недовольно скривились и глаза сузились от гнева. Девушка поняв, что сумела все-таки задеть наглеца, мысленно восторжествовала.

— И хватит меня преследовать ди Форкалонен, — насмешливо добавила она. — Найди себе какую-нибудь Кэнди, если ты весь такой одинокий.

Выпалив это, она развернулась и помчалась по дорожке в сторону полигона. А то вдруг Раум как ответит? Или, не дай Богиня, снова попробует поцеловать ее?

Нет уж! На этот раз последнее слово точно останется за Дженни!

Демон проводил девушку взглядом. Выражение досады исчезло с его лица, на губах снова заплясала полуироничная-полуиздевательская улыбка.

— А я уже нашел, Дженни-врушка, — задумчиво, словно обращаясь к самому себе, пробормотал он. — Только она этого еще не поняла.

ГЛАВА 11

Но список отмеренных Дженни на день неприятностей на этом не закончился. В столовой она столкнулась с Арманом. Как будто утренней встречи с придурком ди Форкалоненом было мало.

Ну, как столкнулась? Можно не сомневаться: вампир приперся туда специально, чтобы потрепать ей нервы. Обычно-то он брезговал бесплатной едой, положенной студентам по контракту. Предпочитал специальные вампирские кафе, где вместе с блюдом к столу подсаживался человек-донор, и можно было запивать стейк еще горячей кровью. Из горла, так сказать.

Арман поймал ее как раз в тот момент, когда Дженни, нагрузив поднос едой, выискивала среди сидящих за столиками студентов знакомые лица. Нарисовался перед носом, ухмыльнулся, обнажив клыки.

— Есть разговор.

— Ага, щаз, уже бегу.

Как назло сегодня в столовой не наблюдалось никого из друзей и приятелей с ее курса. Пришлось устроиться в одиночестве за столиком в углу.

Ну и разумеется вампир не отстал так просто. Дождался пока Дженни устроится, снимет тарелки с подноса, а потом примостился на свободном стуле рядом.

— Я не привык, чтобы меня отшивали, сучка, — взгляд у него был неприятный. Какой-то липкий, хотя странно — как это взгляд может быть липким?

Девушка посмотрела на потертую кожаную куртку, рваную майку под ней, серьгу в ухе и скривилась.

В этом весь Арман д'Крессен. Позер. Косит под бродягу — новая мода среди мажоров академии. Имидж вольного стрелка и последнего романтика. Пожалуй, вампиру он даже шел. Невнятные обтрепанные шмотки, купленные за бешенные деньги у модного молодежного дизайнера, отлично сочетались с восково-бледной голубоватой кожей и запавшими темными глазами.

— Привыкай. Все бывает когда-нибудь в первый раз, упырек.

Одно удовольствие было наблюдать, как его перекосило от этого обращения.

Кто-то считал Армана красавчиком, но Дженни он был неприятен почти физически. Ей не нравились его руки — всегда холодные и влажные, не нравились бледные губы. Но особенно Дженни не любила его самомнение, чем-то роднившее Армана с Раумом ди Форкалоненом. Неудивительно, что они друзья — вампир и демон, два сапога и оба дырявые.

— А теперь свали в туман, или я пожалуйю охране, что ты пристаешь, — закончила она, принимаясь за бифштекс.

По правилам академии все адепты равны между собой, независимо от происхождения. Если Арман будет возникать, его не просто вышвырнут а еще и морду начистят. Тролли-охранники — ребята простые.

— На столе у ди Форкалонена ты не была такой разговорчивой.

Вилка выпала из задрожавшей руки, перекадилась по столу и звякнула об пол. Побледневшая девушка вскинула взгляд на вампира. Он... знает?! Но откуда?!

— Не понимаю о чем ты, — сдавленно выговорила она.

-Напомнить? — он оскалился с видом победителя. — Кстати, мне понравились твои сиськи. А еще у тебя очень приметный шрам вот здесь, — Арман погладил, а потом стиснул ее правое плечо. — Нельзя не узнать, — выдохнул он ей в лицо.

От него пахло сырой кровью, и девушку затошнило. То ли от запаха, то ли от страха.

Платье, в котором она была на балу в прошлом году! У него были открытые плечи. Вэл еще расспрашивала откуда взялся такой странный шрам, похожий на морду дракона. Тогда Дженни казалось, что Арман совершенно не следит за разговором. А он, оказывается, еще как следил. И запомнил.

-Думаю, парням будет интересно узнать, кто скрывался под маской, — издевательски продолжил вампир. — Доминик уже несколько раз спрашивал меня об этом. Как думаешь: сказать?

Она представила, что будет, если Арман расскажет, и тошнота усилилась. Позор на всю академию. Слава продажной девки. Нельзя будет выйти из комнаты, чтобы не наткнуться на парня, который захочет ее облапить. А если слухи дойдут до преподавателей...

Подлец! Дженни всегда знала, что он — подлец. Гнилой и мелкий, несмотря на высокое происхождение.

— Чего ты хочешь? Денег?

— А у тебя есть?

— Нет.

Сотня золотых, которые мама положила на ее счет, для вампира так — мелочь на вечерние развлечения.

— Тогда натурой, — он снова показал клыки. — Всегда мечтал тебя трахнуть, норовистая сучка.

Ее передернуло от омерзения. Спать с Арманом это... это все равно, что с клопом.

Она достаточно наслушалась от Вэл такого, о чем предпочла бы никогда не знать, поэтому была в курсе, что вампир любил “перекусить” во время секса, вонзив клыки в шею партнерше. Вэл на следующий день ходила вялая, прятала следы бурной страсти под шарфом и страдальчески морщилась, когда Дженни едко и зло прохаживалась по поводу “эротических игр с едой”.

Как можно трахаться с кем-то, кто воспринимает тебя куском мяса? Вроде вот этого бифштекса у нее в тарелке?

Вместе со страхом в душе вскипела злость. Да за кого вампир ее принимает?! С чего решил, что она покорно побежит раздвигать ноги?!

— Никогда! Я скорее лягу под вонючего бомжа.

— Бомжа я тебе устрою, — с угрозой в голосе пообещал Арман. — Если не будешь слушаться, ляжешь и под него. Выбирай: или я, или толпа, которая пустит тебя по кругу, — он перегнулся через стол, нависнув над Дженни. Цепкие пальцы до синяков стиснули плечо, а в темных глазах полыхнула злость. — Ты много о себе мнишь, сучка. Ходишь задрав нос, смотришь на парней, как на говно. Им будет приятно узнать, что под видом недотроги скрывается обычная шлюха. Если ты даешь ди Форкалонену, то чем они хуже?

— Я не даю...

— Рассказывай.

— Послушай, Арман...

— Вот ты как заговорила, — он больно ухватил ее за нижнюю челюсть, заставляя приоткрыть губы. В глазах вампира вспыхнула темная злоба. — Сразу имя мое вспомнила. Нет уж, это ты послушай, высокомерная шлюшка. Ты теперь будешь открывать свой ротик только для того, чтобы сосать. У меня большие планы, так что готовься. Как думаешь: твоя подружка согласится на тройничок, если третьей будешь ты?

Наверное, по замыслу вампира эта речь должна была окончательно сломать и без того напуганную девушку. Но вместо страха она ощутила, как еле тлевший гнев превращается в огненную лавину. Ярость родилась внутри, сметая беспомощность, иссушая слезы. Дженни оскалилась и зарычала — глухо, утробно, как рычат волки, предупреждая — не лезь. А потом с наслаждением впила зубами в его руку.

Это было странно. Дико, необычно для Дженни. Или совершенно естественно для оборотня, которым она была только по документам. Именно так поступила бы любая волчица на ее месте.

Любая, но не Дженни, которой от рождения не досталось ни звериного облика, ни инстинктов.

Зубы на удивление легко прокололи кожу и вошли в плоть, рот наполнился кровью — водянистой и с неуловимым привкусом тухлятины. Мгновение Дженни смотрела снизу вверх в искаженное от боли лицо, а потом сглотнула гадкую жижу и демонстративно выплюнула окровавленную конечность.

— Еще раз подойдешь ко мне, — медленно и четко произнесла она. — Умрешь. Ты понял, д'Крессен?

Непостижимо, но она могла бы поклясться, что сумела напугать его. Арман знал, что она — полукровка, что неспособна к обороту, но видимо что-то было такое в ее лице в этот момент, что вампир не мог не поверить. Только на мгновение, но он испугался Дженни. И тут же возненавидел ее за это.

— Ты пожалеешь, сучка.

— Ты тоже.

Она выразительно покосилась на его кисть. Восемь кровавых лунок полукружьем отмечали след укуса. На воздухе кровь вампира мгновенно свернулась, но девушка все равно залезла в сумочку и протянула носовой платок.

— Перевяжи, — насмешливо посоветовала она. — Чтобы не было лишних вопросов.

Не взял. Сунул постаравшуюся конечность в карман, отступил, стараясь сохранять независимый вид. Дженни смотрела ему в спину с настороженностью и опаской. Трус и подлец — гнусное сочетание, такого врага нельзя оставлять без внимания.

Уже у самого выхода из столовой вампир снова обернулся, посмотрел на нее, и Дженни прочла по его губам: "Ты пожалеешь! "

***

К обеду она так и не притронулась. Во рту все еще стоял гнилостный привкус вампирьей крови, а душу вкочья раздирала стая кошек.

Нет, Дженни не жалела, что в такой категоричной форме отвергла предложение Армана. Но с угрозой нужно было что-то делать. Немедленно!

Она обхватила голову руками, тщетно пытаясь унять панику. Думай, Дженни, думай! Быть может, прямо сейчас этот гнусный тип с сальной улыбкой на лице раскрывает ее личность одному из участников той игры.

Нужно что-то, что заставит его замолчать! Что-то или кто-то.

Перед мысленным взором раскинулся пасьянс — сотни карточек с именами. Друзья. Знакомые. Преподаватели. Дженни тасовала их, отбрасывая одну за другой. Не то. Снова не то... Есть!

Несколько мгновений она обдумывала эту идею. Глупо. Можно нарваться посильнее, чем с Арманом. Но разве у нее много вариантов?

Она потянулась к постографу, загрузила расписание учащихся по специальности “Магтехнологии в бизнесе и администрировании”. Как раз через двадцать минут у семикурсников начиналась лекция по ментальным защитам в переговорах. Если повезет, и Раум будет там...

ГЛАВА 12

Раум был. Она издалека выхватила взглядом его фигуру в толпе припевал. Некоронованный король академии шагал, не обращая внимания на трущихся рядом шестерок. Гангстерская шляпа с широкими полями бросала тень на его лицо, скрывая выражение глаз, но Дженни отчего-то подумала, что в них должно читаться высокомерие и скука. Именно с такими интонациями Раум общался со своими друзьями на вечере игры в покер. И именно так он разговаривал с Кэнди.

Она вышла из-за колонны и направилась ему наперерез.

— Нам нужно поговорить.

— Ты кто такая? — возмутилась какая-то девица из свиты ди Форкалонена — блондинистая, тощая и высокая, едва ли не выше самого демона.

— Совсем первокурсники обнаглели, — прогудел здоровенный парень, очевидно полагавший себя телохранителем его лордейшества и довольно грубо оттеснил Дженни в сторону. Тут же подтянулись его дружки, отгородив девушку от демона.

— Раум! — выкрикнула она, чувствуя, что еще немного и подхалимы просто спихнут ее с лестницы.

Взгляд демона остановился на девушке.

— А ну оставьте ее! — приказал он. Слово свору собак осадил. Негромко, но до того властно, что не послушаться было невозможно. За первым приказом, последовал второй, еще более бескомпромиссный.

— Все ушли. Быстро.

Толпа припевал рассосалась так же быстро, как возникла. Всего пару минут спустя на крыльце корпуса стояли только Раум и Дженни.

— Нужно поговорить, — повторила Дженни, злясь на себя, что не догадалась воспользоваться постографом. У нее же есть номер. Хотя, учитывая с какой скоростью он отвечает...

— О чем, детка? — удивительно, но она только теперь поняла, что с ней демон общается совсем иначе, чем со своими друзьями. Да, в его голосе всегда звучала насмешка, но вот подспудного презрения Дженни не ощущала.

Она огляделась и поежилась:

— Не здесь.

Обсуждать подобную щекотливую тему на крыльце, где так легко подслушать, не было ни малейшего желания. Заинтригованный демон не стал спорить и молча последовал за девушкой через парк к беседке, увитой чуть пожухлым плющом.

Здесь Дженни быстро и без эмоций пересказала свой разговор в столовой с Арманом.

Раум выслушал ее с непроницаемым лицом и чуть рассеянной ироничной улыбкой.

— Все это очень интересно, детка, — задушевно отозвался он. — Но при чем здесь я?

— Ты создал эту ситуацию. Ты и должен с ней разобраться.

— Должен? — его улыбка стала шире. — Да ну? Это кто сказал?

— Ты обещал, что никто меня не узнает!

— Не помню такого.

— В договоре...

— В договоре сказано, что я должен принять меры, чтобы тебя никто не узнал. Я принял их, — он показательно развел руками. — Что поделывать, если не сработало?

Сердце упало в пятки. Мгновение Дженни колебалась. Гордость подсказывала выкрикнуть демону в лицо: “Ну и хрен с тобой, сама разберусь!” и уйти. Но ведь в том и проблема, что сама она никак не разберется!

— Раум, пожалуйста... — к горлу подступили слезы.

— Уже лучше, — с улыбкой ответил демон. — Смотри-ка, ты не только приказывать умеешь, Дженни-колочка.

Ладно, если ему так этого хочется... Дженни вздохнула и выдавила:

— Я прошу тебя помочь.

— Хорошо, — кивнул демон. — Но я не помогаю бесплатно.

— И чего ты хочешь? — ей показалось, что она попала в какой-то дурной закольцованный сон. Если сейчас и Раум потребует от нее секса, Дженни точно съездит его по морде и уйдет. А с Арманом потом что-нибудь сама придумает...

Он чуть склонился над ее лицом и искушающе улыбнулся.

— Поцелуй меня.

— И все? — растерялась девушка. — Просто поцеловать.

— Не просто, — поправил ее демон. — Это будет очень-очень глубокий и страстный поцелуй, Дженни-ледышка. Мне должно понравится, так что ты постарайся.

А, почему нет? В конце-концов, это же просто поцелуй! Дженни уже целовалась с ним утром...

Она представила, как это будет, и от этой мысли во рту внезапно пересохло.

— Хорошо.

— Сейчас, — уточнил Раум. — Я работаю только по предоплате.

— М-м-м... ладно, — девушка вытерла невесть отчего вспотевшие ладони о подол платья и шагнула к нему ближе.

По телу растеклось непонятное возбуждение. Странно, но в эту минуту ди Форкалонен не показался Дженни таким уж отвратительным. Быть может потому, что в памяти еще жив был разговор с вампиром. И пусть желания и методы Раума мало чем отличались от желаний и методов д'Крессена, на фоне Армана демон выглядел даже милым.

Нет, все это слишком сложно. Она не будет думать об этом. Не сейчас по крайней мере. Сейчас ей надо поцеловать этого проклятого, нахального самоуверенного демоняку. Страстно поцеловать. Так, чтобы ему понравилось. И при этом постараться не потерять разум самой.

Ох и сложная задачка!

Раум стоял и ждал. На его губах все так же играла насмешливая улыбка, но в глазах что-то изменилось. В них заплескало пламя — опасное и притягательное одновременно. Дженни шагнула к нему, ощущая непонятную робость, словно этот поцелуй был чем-то большим, чем очередное издевательство со стороны сволочного ди Форкалонена. Неуверенно положила руки ему на плечи, привстала на цыпочки и коснулась губами губ.

Ей казалось, что она готова к утреннему помешательству, но на этот раз все было еще хуже. Как будто штормовая волна накрыла с головой, смяла, повлекла за собой в темный омут. Объятия. Вкус его губ, дразнящие и ласкающие касания, от которых в груди рождается томный стон. Руки Раума беспрепятственно гуляли по ее телу, а Дженни не только не возражала, но и покорно изгибалась, постанывая в его объятиях, опьянев от дразнящих и жарких прикосновений. Желание, кипело в крови неукротимым огнем. Чужие ловкие пальцы поглаживали и тискали грудь, сжимали сквозь ткань платья напряженные до боли соски, и

каждое такое прикосновение отзывалось во всем теле короткой сладостной вспышкой удовольствия. Рука демона скользнула за спину, пытаясь расстегнуть крючки платья. Дженни почувствовала бедрами его возбуждение, и поняла, что ее собственные трусики стремительно становятся влажными, и что идея отдаться ему — прямо здесь, сейчас, в этой беседке уже не кажется невозможной...

И только бившаяся в висках мысль, что так нельзя, неправильно помогла справиться с наваждением. Вынырнуть, оттолкнуть от себя демона, вырваться из губительных объятий.

— Детка... — он шагнул было за ней, тяжело дыша. Сейчас Раум уже не казался безупречным и лощеным светским бездельником. Красные глаза потемнели от расширенных зрачков. Шляпа слетела, пока они тискались, волосы выглядели растрепанными. Ну да — правильно. Дженни сама же их и растрепала. Когда вжималась в него мгновением раньше.

— Не подходи! — она оскалилась, демонстрируя клыки, и снова попятилась. Под каблук попал камушек, Дженни неловко взмахнула руками и непременно бы упала, если бы демон не подхватил ее.

Снова от прикосновения перехватило дыхание. Внутри что-то сжалось — обреченно и сладко — словно предчувствуя, что еще одного поцелуя ее выдержка не переживет. Как можно сопротивляться этому безумию? Да и нужно ли?

Она бросила быстрый взгляд в сторону выхода и мгновенно вынырнула из сладкого омута. Потому что напротив беседки в пяти шагах от входа в стоял Чарли. Стоял и смотрел на нее. На них с Раумом. С таким странным выражением...

Должно быть, она изменилась в лице, потому что Раум тоже обернулся.

— А, малыш Маккензи, — протянул он с кривой ухмылкой, прижимая к себе девушку жестом собственника. — Любишь подглядывать за взрослыми, когда они развлекаются?

Чарли побледнел от оскорбления. Но не ушел, как втайне испугалась девушка. Наоборот шагнул к беседке.

— Дженни, с тобой все в порядке? Он к тебе пристает?

— Нет, — она грубо пихнула демона в бок и все-таки вырвалась. — Все хорошо. Мы... мы просто разговаривали.

Угу, разговаривали. Чай гоняли, да все о высоком. О поэзии, музыке.

В следующее мгновение она поняла, что оборотень мог стоять тут уже некоторое время, и пришла в ужас. Если Чарли пробыл здесь хотя бы пять минут, то прекрасно видел, как Дженни тискалась с демоном, как сама обнимала его и разве что не отдалась прямо тут. Богиня, что он о ней подумал?!

Щеки запульсировали от притока крови. Захотелось стать невидимой, а еще лучше раствориться в воздухе и сделать вид, что ее и вовсе здесь не было.

— Видишь, малыш, — рука демона снова по-хозяйски опустилась на талию Дженни. — Все хорошо. А теперь иди, куда шел.

— Чарли... — ее голос дрожал и звучал жалко. — Это...

Что тут скажешь? "Это не то, что ты думаешь"? Так ведь как раз то.

— Пусть возвращается к своим делам, — в голосе Раума зазвучала сталь. — А мы вернемся к своим. У нас ведь осталось одно незаконченное дело, детка.

— Не думаю, — холодно откликнулась девушка, скидывая его руку. — Мне кажется, мы обо всем уже договорились.

Свою часть сделки она выполнила. Теперь дело за демоном.

— Чарли, подожди меня!

Оборотень помедлил, но остановился. Когда Дженни догнала его, посмотрел на нее, как на предательницу, но ничего не сказал. Ни по поводу Раума, ни вообще. Девушка подхватила его под руку и потащила по аллее в сторону общежития.

Между лопатками ужасно чесалось, словно слишком пристальный взгляд сверлил спину. Она не оборачивалась, но почему-то была уверена, что беловолосый демон так и стоит у входа в беседку и смотрит им вслед.

***

Голос преподавателя что-то нудел и нудел над ухом про особенности построения четырехмерных плетений в трехмерном пространстве, но Арман не вслушивался. Вместо этого он вспоминал разговор в столовой и сжимал зубы, чувствуя, как непроизвольно увеличившиеся клыки царапают щеки изнутри.

От гулявшей в крови дикой ярости тело то и дело норовило запустить боевую трансформу. Приходилось сдерживаться. Вдох-выдох. Глубоко и медленно.

Вот ведь наглая шлюха! Охреневшая наглая шлюха, которой стоило бы выбить все зубы, а потом поставить на колени и пусть делает то, для чего все шлюхи предназначены природой!

Арман бросил недовольный взгляд на ладонь. До крови прокусила, сучка. Она хоть не ядовитая? А то что-то долго заживает, прошло почти полчаса, а на руке до сих пор красовалось ряд треугольных ранок полукругом.

Она пожалеет! Арман еще заставит бесхвостую суку рыдать, валяться в ногах и умолять о прощении!

Почему он не сделал этого в столовой? Почему позволил ей так нагло говорить, почему растерялся и отступил? Он ведь растерялся, не испугался, а именно растерялся, когда почувствовал, как похожие на острые иглы зубы впиваются в ладонь. И ушел не из-за страха. Просто от неожиданности.

Было бы кого бояться. Человеческая девка, вообразившая себя волчицей.

Рыжую стерву, которая таскалась за его сильфой, он мечтал нагнуть с первой встречи. Распечатать девственную щелку, засадить, чтобы только визжала и всхлипывала.

Не потому, что рыжая такая уж секси. Хотя секси, любой бы не отказался вдуть, кроме ее дружка-импотента. Сиськи — крепкая двойка, жопа сочная, ножки вообще загляденье. Ходит, маячит под носом, как сочный бифштекс. Так бы и укусил. Полукровка — почти человечка, а люди были и будут едой, для таких, как Арман.

Но нагнуть он ее мечтал не поэтому. Просто, чтобы поставить на место. Чтоб не мнила о себе слишком много. Не смела кривить губы и глядеть на него, как на мерзкое насекомое.

Пару раз Арман попробовал подкатить. Приобнять ее там, ненароком. Отвесить пошловатую, но лестную шутку о ее внешности — обычным девкам нравились такие фривольности от красивого и популярного парня. Даже на танец как-то приглашал, идиот.

Лучше бы не пробовал. Рыжая сучка вылила на него столько презрения, что он чудом удержался от того, чтобы не придушить ее.

— Насосался, упырь? — шипела она при встрече, когда он, подкрепившись от сильфы, сталкивался с ней на пути из общежития. Арман в ответ витиевато посылал ее по матери, а сам мысленно наматывал роскошные рыжие пряди на кулак или устраивал тройничок с тощей белобрысой сильфой.

Но добровольно такая не даст, а нарываться на проблемы с кланом Маккензи, принуждая силой, не хотелось. Благо под рукой всегда была ее безотказная подружка, да и других девок хватало.

Ладно, ей же хуже. Видит бездна, он хотел по-хорошему, предложил ей честную сделку. Но норовистая сука не оценила.

Вампир черкнул пару строк на дощечке постографа, назначая встречу Доминику. Здоровяк точно обрадуется, когда узнает, чьи сиськи ему так и не дали облапить в тот вечер. Другим тоже будет интересно. Пойдут слухи... обязательно пойдут, Арман об этом позаботиться.

Ярость как-то незаметно испарилась, и настроение улучшилось. Еле дождавшись окончания лекции, вампир вскочил и насвистывая направился в сторону паба. До встречи с Домиником оставалось почти двадцать минут. Если оборотень не припрется раньше, Арман успеет не только дойти, но и выпить кружку пива. Отец может хоть сто раз повторить, что пиво и виски

— напитки для плебеев и оборотней, а выбор вампира — сухое вино. Срать Арман хотел на эти рассуждения. Ему нравится пиво и бои без правил, а не перебродивший виноградный сок и невнятная нудятина для старперов вроде гольфа.

Но дойти он не успел.

Словно из под земли по бокам выросли два мордворта-тролля и аккуратно взяли его в “клещи”.

— Господин д’Крессен, вам придется пройти с нами, — звучным басом известил громила справа.

— Чего?

— Наш босс желает вас видеть, — добавил громила слева.

Босс? Какой еще босс? Кто они? Что им нужно?! Это из-за “пыли”? Твою мать, так и знал, что не стоило брать долбанное зелье! И что теперь? Тюрьма, суд, каторга... Зачем он вообще купил проклятый порошок, если так и не решился ни попробовать, ни выкинуть? Придурок!

Паника схлынула так же стремительно, как и накатилась. Арман вспомнил, что заветный пакетик “Огненной пыли” остался дома в тайнике внутри “Наставлений страждущим”. Бесплезная книжонка, которая есть в каждом доме, и которую никто и никогда не возьмет прочесть по собственному желанию.

Второй здоровой мыслью было, что эти двое никак не тянут ни на полицейских, ни на бандитов. Клоуны какие-то. Все это слишком уж нарочито, напоказ. Как сцена в синемафотографе для человеческого племса.

— И кто ваш босс? — он старался, чтобы голос звучал небрежно. Вроде удалось.

— Узнаете при встрече.

— Хрена лысого. Я никуда с вами не пойду.

— Придется, — хором откликнулись громилы. Что-то кольнуло шею, а мгновением спустя отнялись ноги, и Арман непременно рухнул бы, не подхвати его правый тролль, словно сомлевшую девицу. Левый вынул из кармана флакон и выплеснул его содержимое вампиру в лицо, обдав запахом дешевого бренди. Теперь Арман походил на сильно перебравшего богатенького студента, которого под руки волокут домой секьюрити.

— Отлично. Пакуем его, — раздалось над головой.

ГЛАВА 13

Только когда беседка с беловолосым демоном осталась далеко позади Дженни позволила себе сбавить шаг и отдышаться.

Что это, мать его, такое было?! Что с ней творится рядом с Раумом ди Форкалоненом?! Это какая-то магия? Но ментальные воздействия без письменного разрешения реципиента строжайше запрещены! Кроме того, на лекциях им говорили, что незаметно взломать сознание взрослого психически здорового индивида невозможно.

А если не ментальная магия, то что?! Умопомрачение? Духи с феромонами? Раум ди Форкалонен — отвратительный, избалованный, пресыщенный, наглый и просто невозможный тип! Самый ужасный парень на свете. Так почему стоит ему прикоснуться к Дженни, как она теряет волю и готова позволить ему все?

— Дженни... — услышав свое имя над ухом, девушка вздрогнула. Поглощенная мыслями, она совершенно забыла о Чарли, который все это время шел рядом.

— Ты что-то сказал?

Оборотень подарил ей обиженный взгляд.

— Я спрашивал: что происходит между тобой и ди Форкалоненом?

— Ничего, — буркнула девушка, чувствуя, как щеки волей-неволей покрываются румянцем.

Она сама бы очень хотела, чтобы ей кто-нибудь объяснил, что происходит.

— Я видел вас в беседке, — обвинительно продолжил Чарли. — Я старший из мужчин Маккензи в радиусе сотни миль вокруг. Кроме того, я будущий глава клана, поэтому просто обязан вмешаться.

В его голосе зазвучали занудно-нравоучительные нотки. Совсем такие же, как у его отца, когда Оуэн Маккензи принимался читать нотации. Как будто ей и без того мало проблем с Арманом, Раумом и собственными дикими реакциями на последнего.

— Ди Форкалонен — очень плохая пара для приличной девушки. Я верю в твое благоразумие, но общение с ним может просто скомпрометировать тебя.

Да уж, что есть, то есть. Вечер в роли карточного стола — не только волнующее эротическое переживание, но и изрядное пятно на репутации юной девы. Если, конечно, об этом кто-то узнает...

Раум пообещал, что заткнет вампира. Сможет ли он это сделать?

— Я, как старший мужчина и будущий глава клана, требую, чтобы ты пообещала больше не общаться с ним...

Хоть эти слова и были продиктованы заботой о ней, Дженни внезапно ощутила дикое раздражение.

— И где ты был, старший мужчина, когда я поехала к Рауму вытаскивать твою задницу из неприятностей? — резко ответила она. — Что-то не припомню, чтобы тогда ты возражал против нашей встречи.

Чарли закусил губу и побледнел, и Дженни мгновенно ощутила раскаяние.

-Прости... — пробормотала она, отводя глаза. — Я сама не понимаю, что несу. Все как-то неправильно...

Неправильно, что ее тело так легко отзывается на малейшее прикосновение беловолосого демона. Как чутко настроенный инструмент в руках музыканта. Неправильно, что ей не хочется умереть со стыда при воспоминаниях о том вечере. Точнее, хочется, но это чувство, какое-то не всеобъемлющее, а словно навязанное извне. Она знает, что должно быть стыдно, поэтому стыдится. И стыд этот щедро приправлен возбуждением. Пару раз даже (о ужас!) закрадывались крамольные мысли, что все было не так ужасно. Что можно было бы повторить, только без посторонних...

Все неправильно. На душе и в мыслях полный раздрай. И воспоминание о вчерашнем неудачном свидании с Чарли почему-то совершенно не расстраивают и не трогают. А ведь раньше она бы неделю терзалась мыслями на эту тему. Прокручивала в голове, что он сказал, что она ответила и мечтала, как все могло бы быть иначе.

И злость эта на Чарли совершенно неправильная. Нехорошо злиться и огрызаться, когда о тебе проявляют заботу.

— Я не буду больше с ним общаться, — пообещала она. — Даже близко не подойду. Раум — гадкий тип, не хочу иметь с ним никаких дел.

На его лице отобразилось облегчение.

— Я рад. Ты для меня очень близкий друг, Дженни. Я переживаю за тебя.

Вроде теплые слова, но от них стало как-то горько на душе.

Друг, всего лишь друг. Так много и так мало. Наверное вчерашнее испорченное ди Форкалоненом свидание убедило Чарли, что не стоит пытаться перешагнуть тщательно выстроенную за годы границу. Беловолосая скотина все-таки добился своего. Ух, вот бы отомстить ему! Тоже испоганить свидание с девушкой его мечты!

Ага, как же! Откуда у эгоистичного и самовлюбленного ди Форкалонена девушка мечты? Дженни попыталась представить влюбленного Раума и чуть было не расхохоталась в голос.

Как будут выглядеть ухаживания в его исполнении? “Приезжай ко мне вечером, отсосешь”. А комплименты? “У тебя красивые сиськи, детка”.

Нет, такие как Раум любят только самих себя. Поэтому он и непробиваемый. Наши близкие — брешь в нашей обороне. Любовь к кому-то, страх за того, кого любишь, делает тебя слабым. И она же делает тебя сильным. Очень-очень сильным, способным совершить невозможное. Но Рауму этого никогда не понять.

Ну его, беловолосого придурка! Верно говорят: “Не тронь — вонять не будет”. Лучшее, что Дженни может сделать в этой ситуации — послушать Чарли. Не вспоминать. Избегать встреч. Не вступать в разговоры. Не вестись на подначки и провокации.

А со странной реакцией собственного тела она разберется. Вот прямо на днях разберется, записавшись к доктору и все выяснит. Может, пришло время попить какие-нибудь зелья?

***

Была долгая дорога до парковки, когда его волокли под руки. И поездка на заднем сиденье “Гидры” — угольно-черной, прямоугольной, похожей на саркофаг на колесах. Нет, Арман не терял сознание, мог все слышать и видеть. А вот двигаться не мог. При попытке закричать из горла вырывались только невнятные звуки, похожие на стоны.

В мыслях царил паника и каша. Клоуны на проверку оказались вовсе не клоунами. Арман сходил с ума от страха, ярости и полной невозможности хоть что-то сделать. Кто бы мог представить, что вампира из уважаемой и небедной семьи могут вот так внаглую запросто похитить посреди кампуса?!

Что им вообще нужно? Куда они его везут?!

Надвинутая на глаза шляпа мешала отслеживать дорогу, а сами громилы трагически молчали, не реагируя на его мычание.

В тишине и беспомощности прошло около получаса, а потом автомобиль затормозил на безлюдной улочке у неприметной задней двери. Громилы вытащили Армана наружу и подвели к двери, открывшейся по условному стуку. Потом его волокли по какому-то темному коридору. И, наконец, впихнули в небольшую комнатку, отделанную черным в серебристых проблесках камнем. В центре стоял окруженный кожаными диванчиками и пуфиками стол, потолок над головой имитировал звездное небо. Из-за двери в стене напротив доносился томный блюз.

Что-то знакомое. Какой-то клуб? Такое ощущение, что Арман здесь уже был когда-то...

Один из мордоротов небрежно сгрузил вампира на ближайший диванчик, а второй отрапортовал, обращаясь к массивному черному креслу во главе стола:

— Посылка доставлена, босс.

— Вколите ему антидот, — распорядился насмешливый мужской голос.

Этот голос... Если бы вампир в этот момент мог говорить, он бы выматерился, вывалив семизэтажную конструкцию.

Ну конечно! Не зря он заподозрил в мордоротках актеров. Шоумен недоделанный, чтоб его! Владелец газет, театров и киностудий. Небось и громил этих набрал из массовки к какому-нибудь фильму о похождениях гангстеров!

И да: конечно же Арман был здесь! “Космос” — одно из самых пафосных ночных заведений столицы, недавно сменившее владельца. И полугодом не прошло, как они всем покерным клубом пьянствовали тут, отмечая это событие. По приглашению кого?

— Твою мать, ди Форкалонен, — просипел он, чувствуя, как после укола по телу бегут болезненно кусачие мурашки, возвращая утраченную чувствительность. — Ты что устроил?

— Маленькое предупреждение, — кожаное кресло медленно повернулось, и сидевший в нем беловолосый демон неприятно улыбнулся. — Просто чтобы донести всю серьезность моих намерений.

— О чем ты?

Хоть все происходящее и было тщательно разыгранным спектаклем, Арман невольно снова

почувствовал неприятный холодок страха. Долбаный демон умел выглядеть угрожающим.

Со стороны может и казаться, что Арман и Раум — друзья, но вампир отлично знал, что это не так. Все демоны — пафосные выродки, считающие себя венцом творения, прочие расы им не ровня. И ди Форкалонен не исключение. Он — скучающий король, в окружении свиты. Умеет развлечься на широкую ногу и легко платит за всех, кто его сопровождает, поэтому никогда не останется без лизоблюдов.

А еще с ним весело. Все время придумывает что-то эдакое. Животики надорвешь. Как в тот раз, когда демон устроил дикую давку и пробку в центре города, швыряя из окна своей квартиры золотые. Зрелище вышло отменное, вся тусовка хохотала, наблюдая как плебеи ползают в грязи, выискивая монеты, и рвут за них друг другу глотки.

Входить в ближний круг ди Форкалонена — престижно. Отблеск сияния демона невольно ложится на тех, кто трется рядом. Но Раум никому не друг, потому что презирает всех. И над своим окружением, бывает, шутит еще злее, чем над чужаками. Это приходится терпеть. Делать вид, что все в порядке и фальшиво ржать вместе со всеми.

— Я не люблю, когда трогают мои игрушки д'Крессен, — очень медленно и четко выговорил Раум, сверля его взглядом.

— Какие иг... — начал было Арман. А потом вспомнил рыжую сучку, укусившую его в столовой. — Так это из-за шлюхи Маккензи?!

— И я не люблю, когда пачкают мои игрушки грязными словами, — задумчиво добавил демон. — За такое можно и язык вырвать.

Арман сглотнул. Показалось, что слова про вырванный язык вовсе не были преувеличением. Или были? С ди Форкалоненом никогда до конца не поймешь, когда он серьезен, когда издевается, а когда просто блефует.

Сейчас он выглядел серьезным. Очень серьезным, и Арману против воли стало страшно. Если Раум захочет вырвать ему язык — сделает это голыми руками. Вампир демону не противник.

— Я очень не люблю, когда кто-то пытается посягнуть на мое, д'Крессен. Настолько не люблю, что могу убить за это. Пока что похищение — шутка. Но если я узнаю, что ты снова приставал к моей девочке или если вдруг пойдут слухи. Даже если другие студенту вдруг начнут называть ее нехорошими словами, шутки закончатся очень быстро. Сечешь?

— Секу, — просипел Арман.

Какого хрена?! Из-за какой-то долбанной шлюхи? Да эти девки сменяются у ди Форкалонена каждую неделю, и еще не было такого, чтобы демон возражал, когда после него сучкой желал пользоваться кто-то из свиты!

— Вот и хорошо. Я рад, что ты такой понятливый, д'Крессен. Сейчас ты встанешь и уйдешь. А завтра подойдешь к Джени и от всей души попросишь у нее прощения.

У Армана отвисла челюсть.

— Чего?

— Объяснишь, что был неправ, погорячился.

— Раум, какого... То есть: почему?

Что за нахрен?! Почему он должен унижаться перед шлюхой?

— Потому что я так хочу, — с ухмылкой объявил демон. — А еще потому, что ей будет приятно.

Арман почувствовал, как глаза застилают пелена ярости. Арман д'Крессен, чей род насчитывает почти десять поколений, должен просить прощения у безродной девки-полукровки?! И за что? За то, что пожелал присунуть?! Да он ей честь этим оказал!

Разве это не она сотни раз оскорбляла его пренебрежительным взглядом? Не шипела сквозь зубы: "Упырь", не отстранялась брезгливо, стоило им случайно соприкоснуться рукавами в толпе? Да Арман целый год терпел рядом с собой слезливую идиотку-сильфу только потому, что видел, как бесится рыжая, когда видит их вместе!

А еще эта стерва его укусила в столовой! И что — он должен теперь все забыть? Спустить ей это?

“Должен”, — сказал взгляд демона — жесткий и насмешливый, и вампир едва не зарычал от позора, уже сознавая, что все сделает. Прогнется, не станет ссориться с Раумом. Позволит рыжей стерве вытереть о себя ноги. И ради чего? Да просто потому, что ди Форкалонену захотелось поглумиться над приятелем.

— Ты все понял, д’Крессен?

— Угу, — буркнул он, сжимая кулаки в бессильной ненависти. От беспросветной унизости ситуации потемнело в глазах.

“Отомщу!” — эта простая и логичная мысль враз принесла облегчение. Мечь, как известно, сервируют и подают холодной. Арман не станет торопиться. Он затаится, поймает удачный момент и ударит.

Не стоило ди Форкалонену устраивать все подобным образом. Похищать, угрожать и разговаривать так, словно Арман д’Крессен его холоп, мелкая шавка! Он не позволит так с собой обращаться. Раума достать будет сложно, а вот рыжая сучка...

Кто-то должен заплатить Арману за унижение. Если не сам демон, то его девка.

Вампир выдохнул, разжал кулаки и даже криво улыбнулся.

— Я все понял, Раум. Завтра же извинюсь.

— Ну вот: другое дело, — беловолосый вынул из кармана жилета золотые часы и бросил выразительный взгляд на циферблат. — Все, вопросов больше не имею. Тебя проводят.

ГЛАВА 14

Демон дождался, когда дверь за Арманом и сопровождавшими его двумя мордоротами закрылась и повернулся к вошедшей вместе с секьюрили сексапильной блондинистой девице в строгом костюме.

— Лили, душа моя, что у нас там дальше по плану?

Секретарша поправила узкие очки, в которых не нуждалась, но носила, поскольку считала, что они придают ей деловой вид.

— Доктор Макмиллан прибыл и ждет. Пригласить?

— Валяй.

Она процокала к двери, намеренно виляя задницей, и Раум проводил ее раздраженным взглядом. Очередная человеческая самка в поисках покупателя, готового заплатить за ее молодость и красоту достойную, по ее мнению, цену. Считает, что вытащила счастливый билет, когда устроилась личной помощницей к демону.

Надежды новой секретарши читались так явно — в якобы случайных прикосновениях, в соблазнительно оттопыренной попке, когда она нагибалась подобрать упавший лист бумаги, в старательно демонстрируемой ложбинке декольте — что становилось смешно и скучно. Наверное, поэтому Раум до сих пор не уложил ее на стол и вообще не притрагивался уже две недели, с того собеседования, на котором оценил умение мисс Стил печатать на машинке и работать языком. Сосала она вполне качественно. С аппетитом, профессионально так сосала. С деловым настроением, любовью к должностным обязанностям. И у Раума были все основания полагать, что в остальных вопросах мисс Стил будет не менее компетентна.

В том-то и проблема. Скучно. Блекло, тухло, никак.

Скуч-но.

По-настоящему живых и ярких эмоций от самовлюбленной недалекой эгоистки, можно добиться, если сначала внушить определенные надежды, а потом грубо, с особым цинизмом

разбить их о жестокую реальность. Вот тогда будет все: и страсть, и упоительные мечты, и бездна отчаяния, и ненависть, и мольбы с заламыванием рук.

Но все равно слишком много усилий ради весьма скромного результата. Кроме того, Рауму надоело менять секретарш.

Ему в принципе надоели человечки: их блеклые и скудные эмоции, их жадность и безотказность. Надоела необходимость раз за разом играть на самом низменном и гадком, чтобы добраться до самых вкусных и ярких чувств. Да и вообще: последние три дня он ощущал себя сытым.

А ведь после того, как Таисия исчезла из его жизни, Раум почти позабыл каково это — всегда быть расслабленным, ленивым и сытым.

Демон вспомнил робкое прикосновение нежных губ, трепещущее тело в объятиях, взрыв, феерию чужих эмоций — сомнения, гнев, робость, возбуждение, желание. Все вместе и одновременно, полыхающие, яркие и живые чувства, которые можно пить губами, руками, впитывать всем существом. Вспомнил и мечтательно улыбнулся.

Сладкая Дженни. Дженни-пироженка, Дженни-шоколадка. Дженни-нихрена-не-волчица, если Раум еще не ослеп и не свихнулся.

Сокровище для любого демона. Встретить такую как она — все равно, что взять джек пот. Второй раз за два года — да он долбанный счастливчик! Счастливчик из счастливчиков.

Первый раз не повезло. Он сглупил. Не разобрался в ситуации, упустил свой шанс. Кузен Армеллин оказался умнее. Но сейчас у Раума нет конкурентов. И эту девушку он никому не отдаст.

Дверь снова отворилась, впуская Лили в сопровождении немолодого мужчины в очках. Раум поднялся и протянул руку.

— Доктор Джордж Макмиллан? Я — Раум ди Форкалонен. Спасибо, что согласились на встречу, — он мазнул взглядом по секретарше. — Лили, оставь нас.

Она вышла, а демон указал на кресло рядом.

— Присаживайтесь, док.

Мужчина скептически осмотрел интерьер и последовал приглашению.

— Вы весьма оригинальны в выборе места для офиса, господин ди Форкалонен.

— Это не офис. Скорее площадка для неформальных встреч. Вам объяснили какого рода консультация меня интересует?

— Да. Но я сразу сказал вашему человеку, что это маловероятно...

— Ни слова больше! Просто посмотрите бумаги.

Большая кожаная папка скользнула по столу к мужчине. Тот раскрыл ее и приподнял бровь.

— Медицинская служба академии Аусвейл?

— Именно.

Откуда у вас это?

Демон поморщился.

— Да какая разница, док? Купил, выкрал. Читайте!

Тот пожал плечами и послушался.

Раум ждал, стараясь ничем не выдать своего нетерпения. Секундная стрелка на висевших над дверью часах еле ползла, словно на нее наложили замедляющие чары. Разудалый свинг, звучащий за дверью, раздражал, как занудное зудение комара над ухом.

Спустя вечность и бесчисленное количество открученных стрелкой кругов по циферблату, гость отложил бумаги. Демон встрепенулся.

— Ну?!

— Как я и подозревал — обычные анализы, — Макмиллан раздраженно поморщился. — Не вижу ни единой причины для такой секретности. И ни единой причины для моего присутствия здесь.

Демон впился взглядом в лицо мужчины.

— Вы уверены?!

— Абсолютно. Я, конечно, специалист по анхелос, с оборотнями работаю не так часто, но зооморфная форма, скорее всего, из псовых, это видно по характерному спектру вот здесь, — палец с желтым ногтем очертил дугу на снимке ауры. — У кошачьих идет отклонение в синий, а у медвежьих наличествуют бурые вкрапления, — он принялся перебирать бумаги с анализами, по очереди комментируя каждый документ. — Женская особью. Судя по анализам крови, здорова и пригодна к размножению. Магический потенциал по шкале Риттен-Маккерсона — двести тридцать восемь АМЕ, что несколько ниже нормы, однако не критично. Подробнее вам расскажет профессионал соответствующего профиля, — он резко захлопнул папку и посмотрел на Раума. — Я только не понимаю одного. Почему вы решили, что эта девушка имеет какое-то отношение к анхелос?

— Оборотень? — Раум медленно сжал пальцы в кулак, испытывая большое желание с размаху долбануть им по столу. — Она не может быть оборотнем, док!

— Она не может быть никем другим, — безапелляционно заявил мужчина.

— Доктор, — как всегда в минуты гнева, голос демона зазвучал задушевно и ласково. Подчиненные, услышав эти интонации, бледнели, но Джордж Макмиллан слишком плохо знал Раума. — Вам ведь известно, как демоны питают свой истинный облик?

Тот кивнул.

— Так вот: я чувствую ее. Всегда, когда она рядом. И лучше, чем многих людей, — демон в упор посмотрел на гостя. — А еще я могу от нее питаться. И как такое возможно, если она оборотень?

Это откровение совершенно не смутило доктора.

— Врожденная эрозия ментальной защиты. Или травма. Вещь редкая, но встречается у высших рас. Эмоциональный спектр оборотней очень близок к человеческому. Вот если бы вы заявили, что питаетесь от вампира или себе подобного, это была бы сенсация. А подобная сцепка с оборотнем, не противоречит ни одной из существующих энергетических теорий.

Раум стиснул пальцы в кулак. Каждое слово приглашенного специалиста отдавалось в висках, убивая надежду.

— Но она неспособна к обороту. Полукровка, наполовину человечка...

— Тем более, — Макмиллан укоризненно покачал головой. — Это все объясняет. Полукровки почти всегда рождаются с дефектами, не зря еще сто — сто пятьдесят лет назад их выбраковывали и уничтожали в младенчестве, чтобы не портить популяцию. Сейчас так не делают и пожалуйста — что мы имеем? — он брезгливо отодвинул папку. — Мономорфия и врожденная эрозия ментальной защиты. И низкий магический потенциал отсюда же. Кстати, это еще относительно мягкий вариант, возможны и более жуткие уродства.

— Хорошо, последний вопрос, док. Если наша м-м-м... связь с девушкой продолжится, то что будет дальше? Она эмоционально выгорит, как обычная человечка? Или сможет сохранить личность, как анхелос?

— Учитывая мономорфию? — Макмиллан пренебрежительно скривился. — С вероятностью в девяносто пять процентов отношения будут развиваться по человеческому сценарию. Энергию надо откуда-то брать, господин ди Форкалонен. Нормальный оборотень черпает силу из своей связи с истинным обликом, а у таких уродцев ресурс ограничен. Хотя скорее всего кровь волков позволит ей протянуть в два-три раза дольше, чем чистокровной человечке.

Это было болезненным ударом.

Дженни вкусная, но не бесконечная шоколадка. Рано или поздно кончится. И Раум, заглядывая в ее навсегда потухшее лицо будет знать, что это его вина. Это он уничтожил

горевший в ней огонь, выпил страсть из души, оставив красивую и пустую оболочку.

Обидно... Но не повод отказываться от соблазна. Девушка слишком аппетитный, слишком лакомый кусочек. Если не Раум, то другой демон рано или поздно заметит малышку. И использует по полной — тут можно не сомневаться.

Нет уж! Это его девочка! Он первый ее нашел и никому не собирается отдавать!

Жаль, что Дженни ждет такая судьба. Но Раум постарается сделать процесс максимально приятным для рыжей.

— И думаю, что это будет лучшим вариантом для данной девицы, — неожиданно жестко завершил доктор. — Я за поражение в правах и уничтожение настолько больных особей. Ее родителей следовало бы привлечь к суду за появление подобного потомства. Если бы еще существовали евгенические комитеты, как при прежнем императоре, я бы настаивал на принудительной стерилизации.

Увлечись рассуждениями, он не заметил гримасы, исказившей лицо демона. Впрочем, выражение злости почти сразу исчезло, сменившись преувеличенно любезной улыбкой.

— А вы, значит, радуете за чистоту крови, док?

— Именно! — в голосе мужчины зазвучала гордость. — Я — пурист! Межрасовые браки — зло, которое однажды приведет нас всех к гибели. Природа мудра, она позаботилась, чтобы от смешанных браков не было потомства. Те, кто создал универсальные чары для зачатия, совершили преступление! Рожая детей с помощью магии, мы производим больных, нежизнеспособных и уродливых мутантов. Очень жаль, что нынешний император не желает этого понимать!

— “Катар ту эймс”? — доброжелательно поинтересовался демон. — Наслышан о вашей деятельности.

Об активистах движения “За чистоту крови” действительно слышали все жители империи. Нет, “катары” не выступали против смешения кровей, например, между джиннами и сильфами. “Зачистотников” возмущали исключительно союзы людей с высшими расами.

Особенно лютовали активисты лет тридцать назад на юге, так и не смирившимся до конца с отменой человеческого рабства. На юге их действия не ограничивались плакатами с призывом поставить на место “низших”. Человеков, осмелившихся вступить в брак с представителем любой иной расы, ждала травля. Угрозы, ненависть со стороны диаспоры, мелкие пакости от соседей. Доходило до рукоприкладства и настоящих издевательств. А пару раз все заканчивалось и вовсе трагично для людишек, вознамерившихся портить своей дрянной жидкой кровью наследственность старшей расы.

После нескольких громких дел с самосудом император направил в южные провинции спецкорпус службы безопасности. Особисты быстро навели порядок. С десятков громких судебных дел, несколько странных несчастных случаев и с борцами за чистоту крови было покончено. Рассказы о деятельности “Катар ту эймс” перешли в разряд страшилок, а их традиционный наряд — белый балахон и скрывающий лицо колпак с прорезями для глаз — прочно вошел в фольклор и анекдоты.

— “Катар ту эймс” — банда клоунов, — мужчина брезгливо поморщился. — Цели у них может и достойные, но методы... Вы видели эти мешки, которые они на себя надевают? Ночные погромы, сожжения людишек заживо — какая-то дикость и глупость. Нет, стране нужен порядок и внятная евгеническая политика, а для этого лучше действовать сверху. И если я, всего лишь скромный исследователь, далекий от власти, то вы, молодой человек, как сын лорда ди Форкалонена могли бы убедить императора прислушаться к голосу разума!

— Вы преувеличиваете влияние моего рода, — Раум встал и протянул подписанный чек. — Не смею вас больше задерживать, доктор. Вот гонорар за услуги. Надеюсь, что все здесь прозвучавшее останется между нами.

Последние слова были не вопросом и не пожеланием, но приказом.

— Я умею хранить секреты, господин ди Форкалонен. И подумайте о моих словах. Мир на пороге катастрофы. Если не прекратить смешение крови, всего через несколько поколений нас ждут десятки тысяч слабых, больных и уродливых детей, вроде вашей Дженнифер Рейд...

— Достаточно, — резко оборвал его демон. — Я вас не задерживаю, Макмиллан.

Еще несколько минут после ухода доктора Раум сидел, переваривая полученную информацию. Как ни обидно, но свадьба отменяется. Однако есть и плюсы. Он больше не обязан думать о чувствах Дженни и заботиться, чтобы ей все понравилось. Обратней, в отличие от анхелос, законы империи не защищают с параноидальным рвением. Им даже разрешено (точнее — не запрещено) подписывать рабские контракты.

Раум все еще может сделать рыжую своей игрушкой. Как и собирался с самого начала. Он даже должен это сделать, чтобы застолбить свои права на нее и уберечь от посягательств других демонов.

Вот только как уговорить девочку на подобный шаг? Дженни явно не из тех, кто легко расстанется со свободой в обмен на деньги.

Можно, конечно, пойти традиционным путем. Поухаживать, предложить встречаться. Но насколько интереснее обладать игрушкой полностью, знать, что она не имеет права сказать “нет”. И раз уж она не анхелос...

Демон потянулся к постографу и быстро набросал распоряжения для службы безопасности.

Пока достаточно будет продолжать слежку. Нужно собрать как можно больше информации о девушке и ее родных. В жизни очень много проблем, которые можно решить с помощью денег, а деньги у Раума есть.

Он поймет на что можно поймать рыжую волчицу, а потом сделает предложение, от которого она не сможет отказаться.

ГЛАВА 15

В оранжерее было жарко и влажно. Свежий запах лавра смешивался с изысканным ароматом цветов. По специально установленным металлическим каркасам змеились лианы, образуя над дорожкой зеленые арки. Журчала вода в рукотворном ручейке, вырывалась из расщелины между двумя глыбами и впадала в крохотную купель, на глади которой покачивались белые и нежно-розовые лотосы.

И орхидеи. Везде орхидеи. В подвесных сосудах, заполненных питательным раствором. Искусно подобранные лучшим дизайнером-флористом столицы не только по цветовой гамме, но и аромату. Одни раскрывали свои лепестки рано утром, другие в полдень, третьи благоухали весь день. Запахи цветов, зелени и лавра смешивались в изысканную композицию — разную в зависимости от времени суток.

Нет сомнений: зимний сад семейства ди Абез был произведением искусства. И тем обиднее, что большую часть времени он простаивал забытый и ненужный своим владельцам.

Просто еще одна дорогая игрушка, которой можно прихвастнуть перед гостями.

Тем лучше. Ведь если бы отец семейства ди Абез имел обыкновение гулять в оранжерее, Ани вряд ли осмелилась бы сюда заглянуть.

Она брела по выложенной мозаичной плиткой дорожке, то и дело замирая, чтобы рассмотреть систему подачи воды к тому или иному кусту.

Флористика и ландшафтный дизайн вызывали в душе Ани благоговейный восторг. Ее манила недолговечная красота срезанных цветов. И восхищала невидимая глазу случайного обывателя хрупкая гармония, таившаяся в рукотворном саду, где каждая веточка, каждый вроде бы случайный цветок находится на своем, единственно возможном месте.

Это сложная наука. Одни растения прекрасно растут вместе, помогая друг другу. Другие, как бы красиво они ни смотрелись рядом, если высадить их по соседству будут хиреть, убивая друг друга. Одним требуется много влаги на листья, другие плохо переносят опрыскивание, но легко могут жить без почвы, в воде.

В последний год школы Ани повезло устроиться на пол дня помощницей в цветочный магазин. До знакомства с Лиаром она думала, что это был самый счастливый период в ее жизни.

Владелица лавки долго колебалась и не хотела брать девицу из рабочего поселка, но все же поддалась на уговоры. Свою роль сыграла и готовность Ани работать за смешные по меркам

чистых кварталов деньги.

Хозяйка не прогадала. Девушка из самого гнусного, самого нищего района города оказалась неожиданно послушной, аккуратной и хорошо воспитанной. А еще честной — это качество миссис Дудник особенно ценила в работниках. Уже через месяц она подняла Ани зарплату вдвое, а потом еще вдвое.

— Оставайся у меня, дитя, — предложила она, когда Ани пришла получать расчет перед совершеннолетием. — Тебе никогда не заплатят на твоём заводе столько.

Ани хотелось этого больше всего на свете, но она уже три года, как не принадлежала себе. И слишком хорошо знала, что бывает с теми, кто пытается надуть Барона.

Все к лучшему. Останься она в цветочном магазине, никогда бы не встретила Лиара.

Девушка наклонилась над неброским бледно-желтым цветком, чтобы втянуть сладкий запах ванили. Когда-то она мечтала, что у нее будет собственная квартира — небольшая, но уютная. И в ней, на подоконнике раскроет солнцу вытянутое соцветие вот такая же ванильная орхидея.

Не все мечты сбываются. Но орхидея у нее все-таки есть.

— Что ты здесь делаешь? — резкий и недовольный голос Маризы ди Абез заставил Ани вздрогнуть и поднять голову.

Демоница стояла рядом, сложив руки на груди. В ее глазах читалась неприкрытая ненависть, поджатые губы превратились в тонкую нитку.

Вспомнился вчерашний безумный день, и ярость, с которой Мариза требовала, чтобы Лиар поделился ею с кузеном. Ани попятилась.

— Простите, госпожа. Никто не говорил, что мне запрещено бывать здесь.

Она приходила в оранжерею почти каждый день и ни разу не застала здесь никого кроме ухаживающих за растениями слуг.

Но демонстративное смирение нисколько не умерило гнева демоницы.

— Ты слишком обнаглела, девка, — Мариза шагнула и Ани невольно попятилась. — Гуляешь по моему дому с таким видом, словно ты тут хозяйка! И одеваешься не по статусу. Откуда у тебя одежда от ла Костена? — она ткнула аккуратно наманикюренным пальцем в обманчиво простое темно-голубое платье из невероятно приятной на ощупь ткани.

— Лиар подарил... — прошептала Ани. Чутье жертвы даже не подсказывало — вопило, что на этот раз просто оскорблениями все не закончится. Вчерашний вечер переполнил чашу терпения Маризы ди Абез, и демоница твердо намеревалась поставить наглуемую человечку на подобающее ей место.

— Снимай! — потребовала женщина. — Мой сын, должно быть, совсем с ума сошел одевать рабыню в шедевры от кутюр. Ты видела вчера, как должны выглядеть такие, как ты! Платье покорооче, чтобы удобно было задрать подол и ошейник. Чтобы любой видел, что ты из себя представляешь.

Ани побледнела и снова попятилась. Она же не всерьез? Ани принадлежит Лиару, его мать не имеет права решать, как ей выглядеть...

— Простите. Господин велел мне одеться именно так.

На самом деле не велел. Лиар просто привез ее в бутик и махнул рукой со словами: "Выбирай, что нравится". А потом, когда Ани закончила с примеркой, оплатил покупки.

Лицо демоницы исказила гримаса ярости.

— Она еще смеет спорить?! Ты не слышала, что я сказала, тварь?! С-с-снимай немедленно, — ее голос упал до змеиного шепота, а ногти удлинились и потемнели. — Или я сдеру с тебя эти тряпки сама!

В ее руках появился ошейник — широкий, украшенный блестящими клепками. Глядя на него, Ани поняла, что встреча в оранжерее отнюдь не была случайной.

Не стоило сегодня выходить из комнаты.

— Пожалуйста, госпожа...

— Быстро подошла ко мне, сняла с себя одежду приличной женщины и надела это, — отчеканила Мариза, потрясая ошейником. — Ну?!

Лучше подчиниться. Когда вернется Лиар, он сам снимет с нее эту штуку. И сам разберется с матерью.

Но в том, чтобы добровольно снять подаренное Лиаром платье надеть позорный символ рабства, было что-то вопиюще унижительное и неправильное. Ани замерла, тяжело дыша. Не в силах ни послушаться приказа, ни сказать “нет”.

— Ах так! — окончательно рассвирепела женщина. — Тогда я сама.

Она шагнула вперед, и цепко схватила девушку за запястье. Удлинившиеся когти царапнули кожу, оставляя кровавые полосы. Ани взвизгнула, шарахнулась и налетела арку позади себя.

Эфемерная конструкция из лиан и проволоки не была рассчитана на подобное. Арка качнулась, зацепив трос желоба для удобрений. И густой насыщенный минеральными веществами раствор плеснул через край.

Прямо на Маризу ди Абез.

***

Страх ударил молнией по оголенным нервам, скомандовал: “Беги”, и Ани испуганным зайцем помчалась по дорожке к выходу.

Далеко она не убежала.

Тычок в спину заставил споткнуться, кубарем полететь вперед. Заныло ушибленное колено, но думать об этом не было времени. В нос ударила едкая смесь дорогих духов и раствора для гидророники. Полные нечеловеческой силы руки вздернули девушку вверх и рванули на ней платье.

Ткань треснула и упала на дорожку обрывками тряпок.

Глупо, но на мгновение до слез стало жалко красивой вещи. Платье очень нравилось Лиару, он даже просил Ани, чтобы она надевала его чаще.

Но потом стало не до этого. Неласковые руки затянули на шее черную удавку — так сильно, что девушка захрипела.

— Подлая маленькая дрянь, — прорычала демоница. Безупречная фарфорово-белая кожа на лице пошла буграми, сквозь которые проглядывали антацитовые чешуйки. Выглядело это жутко. Словно женщина больна неизлечимой болезнью. — Я покажу тебе твое место.

“Простите, я не нарочно!”, — хотела сказать Ани, но в этот момент Мариза потянула за ошейник и из раскрытого рта вылетел только жалкий сип.

Разъяренная демоница потащила за собой спотыкающуюся девушку. Все, что могла Ани, это перебирать ногами, стараясь не упасть. Трижды она стучалась о дверные косяки. Боль вспыхивала и гасла, задавленная ужасом.

“Пожалуйста, не надо! Пожалуйста...”

Их путь окончился у двери в комнату для игр. Ту комнату, где вчера Ани призналась демону в своих чувствах. Комнату, где еще вчера они лежали в обнимку, целовались и со смехом обсуждали, как обустроят все в своем жилище.

“Лиар!”

Он не дома. Где-то далеко, уехал сдавать последний экзамен, который должен дать им обоим свободу.

Демоница затащила Ани внутрь и швырнула животом на скамью для порки. Щелкнули наручи, стискивая запястья жертвы. Мариза потянулась и не глядя сняла плетъ со стены — тяжелую и жесткую, внушающую трепет.

— Вот где твое место, маленькая шлюшка, — ее голос дрожал от ярости. — На кровати, задрав задницу для порки или случки! Я научу тебя почтительности, наглая потаскуха! Считай!

Свистнула плеть, ягодицы обожгло нестерпимой болью, и Ани закричала.

ГЛАВА 16

Если шаманка племени Маккуин и удивилась, обнаружив на пороге своего дома племянницу и Чарльза в инвалидном кресле, то не подала вида. Смуглое испещренное морщинами лицо казалось бесстрастным.

А вот Кари сразу взяла быка за рога.

— Здравствуй, тетя. Позволь представить тебе моего мужа.

— Знакомы уже, — женщина раздвинула в усмешке сухие губы. — А я говорила тебе, Найраторики: нельзя спорить с судьбой. Луна всегда берет свое.

Кари раздраженно сложила руки на груди и закатила глаза, всем своим видом демонстрируя: “Ну, начинается!”. Чарльз невольно улыбнулся — такой потешно-сердитой она была.

Он оглядывал внутренность жилища шаманки, с легкой ностальгией вспоминая, как оказался здесь в прошлый раз три года назад еще наивным, по-детски эгоистичным волчонком. Здесь же он впервые услышал о Кари, как о своей невесте.

За три года почти ничего не изменилось. Разве что напротив черепа на стене появилось чучело незнакомой птицы, здорово похожей на бирюзовую курицу.

В возможность исцеления Чарльз по-прежнему не верил, но посетить родную деревню жены согласился охотно. Хоть какой шанс исправить не лучшее впечатление о себе. Не хотелось, чтобы Маккуины навсегда запомнили его, как самонадеянного мудака.

Он подкатился ближе и вежливо склонил голову в приветствии.

— Здравствуйте, уважаемая Ванда. Вы были совершенно правы. И я благодарен вам за все.

Шаманка подарила ему пронзительный взгляд, словно фонариком просветила до самого доньшка души. Наклонилась, принялась.

— А, хорош, — на ее лице заиграла одобрительная улыбка. — Я знала, что из тебя выйдет толк, Маккензи. Где ты потерял свои ноги?

— На севере, — в тон ей ответил Чарльз. — И я бы не сказал, что потерял. Фактически, они все еще при мне.

— Ты сможешь? — напряженно спросила Кари. — Вылечишь его?

Шаманка пожевала нижнюю губу, одарила Чарльза еще одним пронзительным взглядом.

— Я могла бы выгнать духа болезни, но это не болезнь, ты же сама видишь, Найраторики.

Чарльз приподнял бровь.

— Найраторики? Уже второй раз слышу это странное слово.

— Это... мое истинное имя, с некоторым смущением призналась Кари. — На лунари.

Ничего себе! Оказывается, кто-то еще помнит лунари — язык праотцов, на котором далекие предки оборотней разговаривали еще когда в мире не было других рас.

— Не называй его первому встречному, волк Маккензи, — добавила Ванда. — Истинными именами не разбрасываются.

— Мы отвлеклись! — перебила ее Кари. — Так ты сможешь нам с Чарльзом?!

— Здесь поможет только Праматерь-Луна. И просить ее о помощи придется тебе.

— Мне? — лицо у Кари вдруг стало растерянным и по-детски обиженным. — Я не умею...

— Умеешь. Я же не зря учила тебя, Найраторики. Он — твой муж, твоя пара. Ты должна просить за него.

***

То, что возвращение на родину было правильной идеей, Кари поняла еще в первые часы в дороге. Чем дальше автомобиль уезжал от столицы, от папарацци, врачей со скорбными лицами, нездорового внимания толпы, тем легче становилось дышать. Чарльз рассказывал ей о местах, мимо которых они проезжали, Кари в ответ делилась тем, как все это выглядит для нее.

Они шутили, болтали о всякой ерунде, горланили песни. И доверие, понимание без слов, близость, когда кажется, что мужчина рядом — твоя половинка, все то прекрасное, робкое, теплое, что родилось между ними на заснеженной базе, начало возвращаться. Волчица радовалась, что Чарльз не уступил ей, все-таки купил автомобиль. Ему определенно была нужна эта громахающая штука, прячущая жутковатого пришельца из Врат под капотом, чтобы чувствовать себя уверенным, контролирующим свою жизнь.

Поездка все больше напоминала не погоню за последней надеждой, а веселое приключение. Ну кто бы мог подумать, что в путешествии на авто будет столько романтики? Ночи в небольших мотелях, неспешные завтраки в придорожных кафешках, замерзшее озеро, у которого Чарльз остановился, чтобы посмотреть поближе. Самого озера Кари не видела, но плетение магических векторов над ним показалось ей очень интересным.

Приближение к Маррейстоуну она почувствовала и без пояснений. Дар шамана пел в крови, подсказывая, что совсем рядом ее земля, земля ее предков. Место, где Кари будет не средненьким магом-недоучкой, а почти всемогущей заклинательницей духов. Место, где даже Праматерь-Луна услышит ее голос.

И вот она в сердце багряных гор, долине Меокуэни, стоит над сложенным кострищем, вдыхает сернистый запах гейзеров. Ничего не изменилось за прошедшие годы. Все так же бурлили горячие источники до краев полные магии, распускаясь на высохшем от жара камне сотнями прекрасных цветов. Земля дрожала от скрытой в недрах силы.

Чем-то похоже на Врата, но по-другому, совсем по-другому. Здешняя магия была родной, своей, рожденной от плоти этого мира, без inferнального привкуса чуждых вселенных. Прирученной и покорной дару Кари.

Ритуальный костюм казался неудобным и нелепым, словно маскарадное одеяние. От него пахло дымом и травами, и запах этот бередил душу, будил чутко дремлющую волчицу. Кари охватила себя руками за плечи, унимая нервную дрожь.

А что, если не получится? Если Луна просто не откликнется на ее зов? Шаман умеет говорить с духами и даже приказывать им, когда находится на своей земле. Но Небесная волчица неподвластна никому из своих детей. Она может просто не явиться на зов. Или не услышать.

— Если она тебя где и услышит, то только здесь, — отозвалась тетка. — Не бойся. Страх рождает неуверенность, а шаман, который неуверен в том, что делает, обречен.

— Вы хотите сказать, что это опасно? — раздался хмурый голос Чарльза. — Кари может пострадать?

— Нет! — выпалила Кари, мысленно проклиная теткин слишком длинный язык. Еще не хватало, чтобы Чарльз отказался потому что боится за нее.

— Все в этом мире опасно, Маккензи. Смерть всегда за углом. Шаман помнит о ней, и ступает без страха.

“Ну вот — опять! — мысленно застонала Кари. — Тетка Ванда включила режим мудрого гуру, бр-р-р...”

— Тебе не пора уходить? — немного резче, чем следовало, спросила она.

— Пора, — она поцеловала племянницу в лоб и начертила на нем знак благословения. — Не бойся, Найраторики, Луна любит тебя.

— погоди! — встревожился Чарльз. — Она что — уходит? И мы останемся тут одни?

Ну вот — внезапно еще одна проблема! Кари вздохнула, уже предчувствуя, что сейчас

придется убеждать мужа, что это совершенно безопасно. Год на севере сделал его параноиком относительно безлюдных мистических мест.

— Так надо, Маккензи. Небесная волчица приходит к одиночке. Вы останетесь здесь на сутки.

— Мне это не нравится, — заявил оборотень. — А если что-то случится?

— Ну что может случиться?! — сердито спросила Кари. Убеждать этого перестраховщика не было ни малейшего желания.

— Да что угодно! Нападут хищники или беглые каторжники.

— В Маррейстоуне нет каторжников, а звери обходят Меокуэни стороной. Мы разве что замерзнуть рискуем, но на этот случай есть запас еды, дров и теплой одежды.

— Все равно мне это не нравится, — Кари успела достаточно узнать Чарльза, чтобы понять, что сейчас он откажется участвовать. И никаких уговоров, никакие убеждения не помогут. Ее муж умел быть просто фантастически упрямым, хуже самой Кари.

— А если я оставлю тебе вот это? — с усмешкой спросила тетка Ванда.

— Ну...

Молчание, а потом одобрительный возглас. Да что они там делают, в конце-концов?!

— Они закляты, чтобы пробивать любые щиты.

— Да, впечатляет, — задумчиво согласился оборотень. — Но я не уверен, что даже с ними смогу защитить Кари.

— Не давай воли пустым страхам, волк Маккензи. Здесь нет угрозы, долину охраняют духи. Я дала тебе ножи только для твоего спокойствия.

— Ножи?! — не выдержала Кари.

— Метательные, — судя по звуку он подкинул один в воздух. — Отличный баланс.

Кари вздохнула. Мальчишка... Он же владеет боевой магией, а она куда опаснее ножа.

— Я уйду, — объявила тетка. — Проси лучше, Найраторики, и Луна услышит тебя.

***

— Повышаю, — молодой беловолосый мужчина небрежным росчерком поставил подпись под суммой с пятью нулями на бланке и положил на стол к стопке других расписок. Потом переплел пальцы, сощурил алые глаза с кошачьими щелевидными зрачками и уставился на соперника. Лицо его выражало интерес энтомолога, заметившего любопытное насекомое, на губах гуляла снисходительная ухмылка.

Изумленный шепот полетел вокруг стола. Уже выбывшие игроки и зеваки вполголоса обсуждали последнюю ставку.

Сидевший напротив юноша с открытым, немного наивным лицом сглотнул, уставился сперва в свои карты, потом на те, что лежали перед беловолосым, таким взглядом, словно хотел прожечь их насквозь.

— Ты блефуешь, ди Форкалонен, — высоким дрожащим голосом заявил он.

— Ты так думаешь? — беловолосый лениво улыбнулся. — Тогда поддерживай. Обчисти меня, Маккензи.

Тот нервно икнул и вцепился пальцами в каштановую шевелюру, вряд ли замечая, что делает.

Зал гудел. Игра за другими столами остановилась словно сама по себе. Завсегдатаи клуба толпились вокруг стола, на котором подходила к завершению самая крупная партия за сегодняшний вечер. Общая сумма на кону превышала два миллиона золотых, что даже по меркам "Счастливой семерки" считалось очень серьезными деньгами.

— Давай, — искушающе продолжал беловолосый. — Поддерживай и открываемся, если уверен. Или пасуй, тогда все это, — он выразительно покосился на гору расписок, — достанется мне.

Юноша снова сглотнул. Его пальцы дрожали.

Блефует? Или нет? Ди Форкалонен вел себя, как всегда. Был спокоен, просто омерзительно спокоен. Подтрунивал, лениво растягивая слова. И как всегда во время игры, на высокомерном лице плясала самоуверенная наглая ухмылочка. Словно речь и не шла о деньгах, сравнимых с годовым бюджетом среднего города.

Конечно, что для будущего владельца медийной империи эти гроши? А вот для Чарли...

С таким же видом Раум сидел в прошлую субботу — невозмутимо поддерживал и повышал, пока у противника не сдали нервы, и он не пасовал. Чарли потом тайком заглянул в карты. Выяснилось, что у проигравшего был стрит, а у проклятого демоники сет на двойках.

Сет на двойках и вагон наглости. Этого оказалось достаточным, чтобы сорвать банк.

Еще не поздно отступить, но можно спорить: ди Форкалонен и сейчас держит на руке какую-нибудь дрянь вроде пары на семерках. Над простофилей, поверившим в блеф, будет ржать весь клуб. Да ладно клуб — что скажет отец, когда узнает, что Чарли проиграл свое содержание за шесть месяцев?

Два миллиона золотых. Этого хватит, чтобы никогда больше не брать родительских денег. Купить машину, гульнуть с шиком на следующем свидании. Девчонкам очень нравится, когда парень небрежным жестом богатея швыряет на стол горсть монет.

У него отличные карты. Лучшие за вечер, лучшие за все вечера, с тех пор, как он открыл для себя сладкий вкус азарта и стал завсегдатаем в “Счастливой семерке”. Каре на девятках. Не может быть, чтобы у Раума оказалась лучшая комбинация. А демон давно нарывается на хорошую трепку. Слишком уж он наглый. Слишком много вокруг ди Форкалонена красивых девок и восторженных прихлебателей, слишком выпендренные шмотки он носит и ездит на слишком дорогих машинах...

А как раздражает его наглая ухмылка и фамильярная манера! Какой Чарли ему “малыш”?! Да, Раум старше на восемь лет, но это ничего не значит. Учатся-то они в одной академии. И Чарли уже год как получил аттестат зрелости. Он взрослый оборотень, без пяти минут глава клана. У детей луны тоже есть гордость, он не позволит какому-то демону тыкать себе. И плевать, что этот демон — сын лорда-протектора и наследник многомиллиардного состояния. В академии и за карточным столом все равны, раз уж Раум сел играть, никто с ним церемониться не станет. В следующий раз, когда ди Форкалонен попробует назвать его “малышом”, Чарли напомнит его о сегодняшнем дне.

— Поддерживаю, — хрипло прокаркал он, дрожащей рукой рисуя подпись на бумаге.

Деньги, которых у него нет. Которых нет даже у его отца и у всего клана Маккензи. Где Чарли сможет взять их, если проиграл?

Мелькнувшая мысль была неприятной, от нее горчило во рту, и Чарли отогнал ее. Он не может проиграть!

— Вскрываемся?

— Вскрываемся, — он медленно выложил карты на стол, одну за другой. — Каре на девятках.

— О, малыш Чарли, да тебе сегодня везет, — промурлыкал беловолосый.

Чарли расслабился, облегченно выдохнул, готовясь принимать поздравления, даже потянулся было к горке расписок. А потом взгляд словно сам по себе прикипел к картам противника. Туз, двойка, тройка, четверка, пятерка. Пики. Это же...

— Стрит-флэш, — весело подсказал демон, сгребая к себе стопку расписок. — Мне тоже сегодня везет, Маккензи.

***

Он вывалился из клуба в жидкие утренние сумерки. В ушах звенело, как бывает, если сильно стукнуться головой, мир вокруг казался нереальным.

Самый смурной, паскудный час. Еще не проснулся город, не звенели трамваи, автомобили не выплеснулись на артерии улиц. Покачиваясь, как пьяный, Чарли добрал до моста и перегнувшись сквозь перила долго глядел в черную пахнущую отходами воду. От реки

неприятно фоново остаточно магией.

Возникла мысль покончить с этим. Перемахнуть через кованые перильца, отдаться темному потоку. Тот вынесет Чарли в океан, укроет от всех обязательств. Не с кого будет требовать денег, он никогда не станет позором семьи, не пойдет под суд, не отправится на каторгу или что там сейчас делают с должниками-неплательщиками? Смерть списывает все долги.

Чарли сдернул куртку и уставился на магическую печать на предплечье. Обхватившая руку змея, сжимала в зубах свой хвост.

— Я понимаю, что все мы тут джентльмены и верим друг другу на слово, — ухмыляясь заявил ди Форкалонен, аккуратно сортируя расписки. — Но восемьсот тысяч золотых требуют какой-то гарантии, Маккензи, раз уж ты не готов прямо сейчас перевести их на мой счет. Подпиши, и можешь идти.

Чарли подписал. Долг чести, нельзя же не подписать. Там были все его друзья по клубу, они бы не поняли, откажись он.

А это значит, что теперь не сбежать. Найдут. Только если в смерть.

Умирать не хотелось. Хотелось жить, дышать пропахшим миазмами воздухом Нью-Эбора, ловить взглядом темные силуэты птиц на фоне посветлевшего неба. Ходить на лекции в академии, целовать девчонок. Получить уже наконец специальность и устроиться на работу — он так молод, у него было столько планов на эту жизнь!

Чарли снова перевесился через перила, слезящимися глазами вглядываясь в даль. Туда, где река делала крутой поворот. За черными силуэтами домов медленно поднималось спящее безжалостное солнце.

Три дня, чтобы найти деньги — так сказал беловолосый. Где он, мать его, возьмет восемьсот тысяч за три дня?!

“Дженни! — он ухватился за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. — Она меня спасет! Она умница, обязательно что-нибудь придумает.”

Не давая себе задуматься над смехотворностью этой надежды, Чарли упал на асфальт, оборачиваясь в волка — бежать в истинном облике можно куда быстрее, чем в человеческом — и помчался в сторону стоянки такси.

ГЛАВА 17

Нельзя сказать чтобы обстановка особо располагала к дреме, скорее наоборот. Незнакомые горы, полная луна в небе и костер будоражили кровь. Что и говорить о танце Кари — его Кари, которая сняла строгий костюм, расписала лицо ритуальными узорами и теперь изгибалась у костра, демонстрируя нечеловеческую грацию.

Пусть в самом танце не было и намека на соблазн, зрелище получилось сногшибательно эротичным. Способным разбудить и мертвого.

И все же Чарльза неумолимо потянуло в сон. Рваный ритм бубна завораживал, убаюкивал. Силуэт девушки у костра растворялся в ночи, превращался в еще одну тень среди теней долины Меокуэни.

Он, должно быть, задремал, потому на его глазах от Кари отделился призрачный силуэт волка и помчался по лунной дороге вверх, в то время как Кари в человеческой ипостаси продолжала кружиться тенью рядом с костром. Ритм ее бубна становился все быстрее, громче, яростней. Взлетал ввысь и отражался эхом от горных вершин, гремел над головой. Словно все небо превратилось в огромный бубен, Кари стучала в него и горы, гейзеры, весь мир вокруг жили, подчиняясь созданному ею ритму.

Над головой переливалась мириадами созвездий бескрайняя ночь. Бледный круг Луны завис над головой, и на мгновение Чарльзу показалось, что в щербинках и линиях он видит силуэт бегущего волка...

Ритм оборвался, и на долину обрушилась тишина.

В этой тишине зазвучал голос. Знакомый и незнакомый, похожий на голос Кари, но при этом

другой — слишком отстраненный, бесстрастный

— Слушайте меня воды, небеса, скалы и огонь, дремлющий в недрах. Я, Найраторики — слепой волк, стоя на своей земле, отрекаюсь от дара Видящей. Отдаю в уплату за исцеление моего супруга Чарльза Маккензи.

— Кари, нет! Что ты несешь?!

Темный силуэт на фоне костра покачнулся, бессильно опустился на землю. Бубен выпал из ослабевших рук и укатился.

— Кари!

Он попытался вскочить и чуть не застонал от злости на собственную беспомощность — инвалидное кресло, бесполезное в горах, осталось в доме шаманки. Сюда Чарльза приволокли на носилках двое дюжих братьев его жены.

Выругавшись так, что сержант Рассел удавился бы от зависти, Чарльз пополз к ней, мысленно проклиная долбанную долину, шаманку и дурную одержимость своей волчицы. Зачем он только согласился участвовать в этом балагане?! Просто для Кари это было очень важно, а он не хотел ее расстраивать. Понадеялся, что обойдется без сюрпризов.

Не обошлось и вот результат — они затеряны где-то в горах, Кари плохо, а помощь придет не раньше, чем через сутки.

Что с ней? Только бы ничего серьезного!

И что за ересь она там несла про отречение от дара?

Он прополз половину пути, когда костер заслонила огромная морда призрачной волчицы. Два желтых глаза, похожих на две луны, взглянули прямо в душу, просветив ее до самого донышка, куда там сканирующим амулетам.

— НИЧТО НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ, СЫН МОЙ. ПОТЕРПИ, БУДЕТ БОЛЬНО.

Волчица шумно вдохнула и ледяной ветер заморозил кожу до полной нечувствительности. А мгновением позже Чарльзу показалось, что он горит, горит заживо. Нижнюю половину тела словно опустили в костер, и молча выносить эту муку было невозможно. Боль была такой нестерпимой, что он выгнулся и закричал, царапая пальцами сухую почву. Истошный крик взлетел к ночному небу и оборвался хрипом. Перед глазами все расплылось от слез и долгие минуты, а может часы или даже столетия не было ничего кроме боли...

ГЛАВА 18

Все заканчивается, и адский мучительный спазм потихоньку начал проходить. Тело ниже пояса все еще болезненно покалывало, но кричать, рыдать и биться в конвульсиях больше не хотелось. Оборотень сморгнул выступившие от боли слезы и сел. Посмотрел на свои ноги — по ощущениям от них давно должны были остаться обгорелые головешки. Но нет. Ноги, как ноги, разве что мышцы усохли за три месяца без нагрузки.

Что это было? Кари... неужели она действительно смогла? И все эти сказки про Небесную Праматерь — не просто сказки?

Он закусил губу и попробовал пошевелить ногами. Тело в ответ взорвалось новым всплеском боли, но слезы на глазах выступили не поэтому.

У него получилось! Да, получилось, мать его! Он чувствовал, видел отклик! Чарльз со стоном подтянул ногу к себе и принялся разминать мышцы. Каждое прикосновение сопровождалось болью, но теперь он готов был молиться на эту боль. Потому что три месяца до этого не чувствовал вообще ничего — ни боли, ни жара ни холода. И не почувствовал бы, даже вздумай кто-то отпилить ему ноги.

Он уже и не надеялся, что когда-нибудь будет иначе. Если бы не Кари...

Кари!

Мысль о ней заставила вскинуть голову, выискивая ее взглядом. И то что Чарльз увидел ему

не понравилось.

Его жена лежала без сознания на границе освещенного костром участка. Достаточно далеко, чтобы огонь не добрался до нее, но все равно не дело. Эта хламида из некрашеного льна выглядит слишком уж тоненькой для ранней весны в горах.

Надо перенести Кари, пока не простудилась.

Оборотень попробовал встать, и со стоном рухнул на землю. Атрофировавшиеся мышцы не были готовы к такой нагрузке. Тело снова скрутила болезненная судорога.

Ладно, пока будем передвигаться ползком, как удав.

Он подполз к волчице, закутал ее в свое пальто и обнял, защищая от ночного холода. Сам Чарльз почти не мерз, после зимы на Крайнем Севере Маррейстоун казался почти курортом. Кроме того, нижнюю половину тела продолжало мучительно жечь и покалывать — нервы восстанавливались медленно.

— Как ты, Луна моя? — тихо спросил он у Кари. Жена пробормотала что-то неразборчивое, уткнулась носом в его плечо и обняла в ответ.

Хотелось разбудить ее, расспросить как она себя чувствует и что видела, но он не решился. Успеется. Может, ей необходим целительный сон после встречи с Праматерью.

В памяти снова встал образ огромной лунной волчицы, ее оглушающие слова, звучащие сразу со всех сторон. Чарльз заподозрил бы, что все это — галлюцинация, вызванная дурманными травами в костре. Но с чудом исцеления не поспоришь. Кари действительно просила прародительницу волков о нем. И Праматерь откликнулась на ее просьбу.

— Ты совершенно сумасшедшая, Луна моя, — с нежностью прошептал оборотень, целуя прядь ее волос. — И больше я не позволю тебе так рисковать.

А потом, устроив Кари поудобнее у костра, Чарльз занялся делом. Вспоминив будни в Норд-Джеке методично разминал каждую мышцу, не обращая внимание на боль. Потом, когда покалывание прошло окончательно, перешел к физическим упражнениям. Сперва совсем несложные движения, от малого к большому, постепенно увеличивая нагрузку и не давая себе пощады, даже если очень хочется.

Через час он уже передвигался на четвереньках. Через два встал на подрагивающие ноги и сделал первый шаг. Через три вполне уверенно ходил, бегал и даже повторял боевые приемы. Хвала природе оборотней за регенерацию. Будь он человеком, восстановление заняло бы не один месяц.

Луна скрылась, небо затянуло тучами, из которых посыпалась мелкая снежная крупа. Она таяла в воздухе, не долетая до дышащей жаром земли, оседала на волосах мелкой водяной пылью. Долину затянуло туманом, стало промозгло и на удивление мерзко. До рассвета, который обещал прогнать все это безобразие оставалось еще не менее пяти часов.

Чарльз поднял Кари на руки и отнес в шатер у края долины, где Ванда Маккуин оставила запас еды и теплой одежды. Устроил ее среди меховых одеял, развел огонь в очаге, лег рядом с женой и уснул, по армейской привычке как только закрыл глаза.

Ему снились заснеженные горы. Луна сияла в небесах, и голубоглазая волчица бежала впереди, призывно помахивая хвостом.

ЭПИЛОГ

- Кари! Кари, подожди!

При звуках этого голоса слепая волчица скривилась, а шагавший рядом Брайан подобрался и зарычал.

- Я много раз говорила тебе, Маккензи: оставь меня в покое, - ответила она, не сбавляя шага.

- Валил бы ты отсюда по-хорошему, парень, - мрачно посоветовал брат.

Но отделаться от оборотня было не так-то просто.

- Кари, пожалуйста! Один разговор! Выслушай меня хотя бы один раз!

Она ускорила шаги.

- Один разговор, и я оставлю тебя в покое, как ты хочешь!

Это заставило ее остановиться.

- Говори.

- Наедине, - уточнил оборотень, и Брайан снова зарычал.

- Тебе сказали валить!

- Наедине? После прошлого раза? - скривилась Кари. - Чтобы ты меня изнасиловал, а потом сказал, что я сама хотела?

Она услышала, как нежеланный жених задохнулся от обиды.

- Я бы никогда... - он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, а потом заговорил другим тоном. - Пусть он смотрит на нас издали, если ты мне настолько не доверяешь. Но пожалуйста... мне нужен разговор наедине. Только с тобой.

- Брайан, отойди, - попросила Кари, но брат только набычился.

- Нет!

- Брайан!

- Если я буду далеко, то могу не успеть, - угрюмо отозвался оборотень. - Сама жаловалась, что я тебя бросил в прошлый раз.

Чарли переводил взгляд с сестры на брата, почти физически ощущая их сомнения. От пьянящей близости Кари кружилась голова. Он ущипнул себя, пытаясь сохранить самообладание. Если сейчас он потеряет над собой контроль, то второго шанса строптивая невеста просто не даст...

- Мы можем сесть в кафе, - предложил он. - За столиком у окошка, а Брайан останется на улице. Он будет нас видеть.

По лицу Маккуина было видно, что идея ему не понравилась, но Кари кивнула.

- Хорошо. Один разговор, Маккензи. И ты оставляешь меня в покое.

Она надеялась, что все ограничится пятиминутной беседой, но стоило устроиться за столиком, как подошла официантка.

- Нет, я не буду есть, - категорически отказалась Кари.

Перспектива давиться едой в обществе Маккензи совершенно не прельщала.

- Принесите нам чай, - попросил Чарли.

- Чай и кофе, - поправила его Кари.

Если снова начнет накрывать от его близости, она просто уткнется носом в чашку. Лучше ненадолго потерять обоняние, чем разум.

- Итак, я слушаю, - сказала она, как только официантка отошла.

- Я хотел извиниться.

- Я это уже слышала.

- Нет! Не так... Я действительно виноват перед тобой, - сегодня в его голосе звучали какие-то непривычные нотки. Торжественные и более взрослые, чем обычно. Странно, но они Кари понравились. - Я... я просто вел себя, как болван, - в его голосе прозвучало раскаяние и неподдельная мука. - Если бы сейчас все можно было вернуть, я бы скорее себе язык отрезал. Но клянусь: даже тогда я ни за что не сказал бы такого в лицо. Я не сволочь, Кари. И собирался стать тебе хорошим мужем. Насколько смогу. Прости, что обидел...

- Я не обиделась, - мягко сказала девушка. Извинения она вполне оценила. Как и мужество, которое потребовалось, чтоб их произнести. Пожалуй, за эту короткую речь Маккензи даже немного поднялся в ее глазах. - Обидеть может только близкий. Я просто сделала выводы.

- И их никак нельзя изменить? - тихо спросил Чарли.

- Все можно изменить. Но то, что ты делал потом... преследовал меня, требовал взаимности, заставил заключить помолвку, - она развела руками. - Из этого я тоже сделала выводы. Прости, буду честна: я не люблю тебя. Но что гораздо хуже - я тебя не уважаю, и не доверяю. Да, к тебе тянет, но я ощущаю это, как принуждение. Силу извне, которая заставляет хотеть тебя. А я не люблю делать что-то под принуждением.

- Я уже понял, - мрачно отозвался оборотень. - Скажи, могу ли я как-то изменить твое мнение? Что-то сделать, доказать, что я могу быть хорошим мужем?

На лице девушки отразилось глубокое сомнение, и Чарли понял - сейчас откажет. Скажет "нет", поставив крест на всех его мечтах и надеждах.

- Пожалуйста, не отказывайся! - выпалил он. - Дай мне шанс, Кари! Клянусь, что не подведу тебя!

- Чарльз... - она впервые назвала его по имени. И звук собственного имени, произнесенный мелодичным грудным голосом, показался Чарли божественной музыкой. - Зачем тебе это?

- Я люблю тебя.

Она грустно покачала головой.

- Это не любовь, Чарльз. Влечение, инстинкт, вера в высший промысел. Сам подумай: стал бы ты так унижаться перед какой-то слепой девицей, если бы не игра гормонов. Тебя привлекает мой запах и все. Если лишить тебя обоняния, все пройдет само собой.

- Нет!

- Да. Ты ничего обо мне не знаешь. О том какая я настоящая.

- Знаю, - возразил Чарли. - Ты сильная, смелая и очень упрямая. Любишь классическую музыку, особенно орган. Играешь на арфе, великолепно разбираешься в травах, различая их по запаху. Дома ты выращивала розы и ирисы, потому что тебе нравится их аромат. Твои волосы на самом деле короткие - по плечи, а косу ты прикрепляешь, чтобы не привлекать лишнего внимания. И ты уехала из дома, отказавшись от силы шамана, потому что шаман должен жить на своей земле, а ты мечтаешь объездить весь мир.

Невидящие глаза девушки широко распахнулись, и Чарли понял, что все же смог произвести на нее впечатление. Мысленно он порадовался, что в последний визит к Маккуинам задержался, чтобы расспросить о своей строптивой невесте.

- Я не прошу ответной любви. Просто дай нам шанс. Попробуй узнать меня с другой стороны. Забудь все, что было. Как будто мы только что познакомились.

- Чтобы забыть нужно время, Чарльз.

- Я готов ждать сколько потребуется.

***

День уже клонился к вечеру, когда Чарльз свернул федеральной трассы на грунтовку.

— Куда мы?

Он хитро улыбнулся.

— Хочу тебе кое-что показать. Тебе понравится.

Конечно понравится! Чарльз постоянно ей что-то показывал, и Кари это нравилось. Кажется, она никогда в жизни не устанет удивляться и восхищаться тем, что видит вокруг.

Разбитая грунтовка после почти получасовой тряски вывела к каменистому берегу. Справа и слева поднимались поросшие мхом скалы, а далеко в бесконечность уходило море — золотое и бронзовое в закатных лучах. Кари восхищенно ахнула и порывисто шагнула к обрыву, но муж

поймал ее в объятия.

— Не подходи к краю.

— Думаешь, я не замечу, где кончается земля? — фыркнула волчица. — Я же теперь вижу.

— Все равно не надо. Только со мной.

Они замерли в обнимку на краю скалы и долго смотрели, как багряное солнце тонет в морской пучине.